

ЭРИН БИТИ

КРОВЬ
и
ЛУЧНЫЙ СВЕТ

МАГИЯ ОПАСНА ТОЛЬКО В ДУРНЫХ РУКАХ

Young Adult. Запретная магия

Эрин Бити

Кровь и лунный свет

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бити Э.

Кровь и лунный свет / Э. Бити — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Запретная магия)

ISBN 978-5-04-197988-1

«Кровь и лунный свет» — увлекательный атмосферный фэнтези-триллер о девушке с редким даром, молодом гениальном сыщике и загадочном серийном убийце. Для фанатов Шерлока Холмса, романов Кассандры Клэр и Керри Манискалко, а также любителей сериала «Алиенист». Тьма окутала средневековый Коллис. Город потрясла серия жестоких убийств. Каждый раз таинственному потрошителю удавалось скрыться. Однажды лунной ночью семнадцатилетняя Катрин неожиданно становится свидетельницей преступления. За расследование берется Симон, молодой человек с загадочным прошлым и блестящими аналитическими способностями. Чтобы понять мотивы и цели маньяка, Симону понадобится помощь Катрин. Но он не знает, что той ночью в ней пробудился редкий дар, который она вынуждена скрывать. Ведь использовать магию луны запрещено! Объединив усилия, Катрин и Симон начинают опасное путешествие по мрачным закоулкам ума преступника. «Читатели с легкостью окунутся в этот средневековый мир, наполненный магией, преступлениями и тайнами». — School Library Journal «Главная героиня — средневековая версия Клариссы из "Молчания ягнят", и ее постоянно окружают мужчины, которые ее недооценивают». — Booklist Эрин Бити — популярная американская писательница. Автор романтического фэнтези «The Traitor's Kiss», ставшего бестселлером The New York Times.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-197988-1

© Бити Э., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	47
Глава 12	53
Глава 13	59
Глава 14	62
Глава 15	64
Глава 16	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Эрин Бити

Кровь и лунный свет

Erin Beaty

BLOOD AND MOONLIGHT

© 2022 by Erin Beaty

© О. Норицына, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

В оформлении обложки использована иллюстрация: © Woodhouse / Shutterstock.com

Художественное оформление А. Андреева

* * *

*Посвящается Натали, которой хотелось разгадать тайну
убийства*

Глава 1

Я жду появления луны.

Соседние окна на первом этаже уже закрыты ставнями, когда я высовываюсь из своего. Легкий ветерок пролетает по пустой улице, принося с собой запах дождя и раскаты грома, раздающиеся где-то на западе. Город Коллис стоит на большом холме и возвышается над плоскими равнинами, но приближающуюся грозу мне не видно из-за покатых крыш. Если высунуться по самые бедра и вытянуть шею изо всех сил, между домами можно разглядеть витражи и башни святилища на востоке. Даже в темноте белый фасад светится на фоне черного одеяла неба, перекрывая сияние звезд.

Луна поднялась еще недостаточно высоко.

Я вздыхаю, выпрямляюсь у окна мастерской – и в то же мгновение магистр Томас спускается по лестнице. Увидев меня, он останавливается, а его брови взлетают так высоко, что исчезают под каштановыми волосами, выглядывающими из-под кепки.

– Катрин? – зовет он. – Мне казалось, ты легла еще несколько часов назад.

– Нет, магистр.

Я снимаю упор, закрываю ставни, задвигаю засов – и поворачиваюсь к начальнику, который, нахмурившись, смотрит на меня.

– Знай я тебя лучше, – замечает он, – предположил бы по одежде, что ты собралась где-то лазить.

После ужина я сменила рабочую юбку длиной до икр на ту, что едва прикрывала ноги, а под нее натянула мужские бриджи и стянула волосы в пучок.

– Да, – признаю я. – Хочу проверить поперечную балку на южных лесах. Сегодня утром мне показалось, что она прогнулась.

Главный архитектор хмурится еще сильнее, на лбу у него появляются морщины.

– Почему ты не сделала этого раньше?

– Ну... – Я начинаю загибать пальцы. – Проводила экскурсию по стройплощадке для графа Монкюира, проверяла, на правильном ли уровне установлена дренажная система, оформляла заказы на камень, которые ждут вашей подписи, ходила на рынок за свежим розмарином для госпожи Лафонтен. – Опустив руки, я пожимаю плечами. – К тому же легче все проверить, когда на лесах нет рабочих.

– Хм... – Архитектор смотрит на мой пояс, но там нет молоточка, который я обычно ношу с собой. – И они не распускают руки, которые можно сломать. Сколько на этой неделе? – строго спрашивает он.

Магистр Томас злится не на меня, поэтому я отвечаю с улыбкой:

– Всего три или четыре.

Если бы подмастерья – и даже некоторые мастера – держали руки при себе, им бы не пришлось волноваться за свои пальцы. В первый раз я бью недостаточно сильно, чтобы сломать кости, и многим этого хватает.

– Покажи, какая из балок вызвала твое беспокойство. – Магистр Томас кивает на уменьшенную модель городского святилища, которая занимает большую часть комнаты.

Она такая же старая, как само святилище, строить которое начали несколько десятилетий назад.

Я прохожу вдоль стен к дальнему концу стола, а архитектор занимает место с противоположной стороны. На самом деле слово «модель» не совсем верное: перед нами точная и пропорционально уменьшенная копия Т-образного здания, каким его задумывали изначально, начиная с двух квадратных башен у западных ворот и поперечной части, которая тянется с севера на юг, заканчиваясь окошками, черепицей и камнями в кладке. Мы же занимаемся его

расширением – строим еще одно крыло, которое увеличит длину здания вдвое на восток от алтаря. Строительная площадка начинается сразу за трансептом¹. И каждый день мы перестраиваем модель, добавляем все изменения за день, включая строительные леса.

– Вот здесь. – Я указываю на алую нить, которую привязала, чтобы не забыть нужное место, а затем отступаю, чтобы магистр мог получше все рассмотреть.

Балка находится в сложной, как паутина, секционной опоре лесов, которая скрывается в тени высокой башни в конце южного трансепта.

Когда магистр Томас наклоняется, чтобы рассмотреть все поближе, я бросаю взгляд на прибитый к стене за его спиной пергамент, который слегка шелестит от сквозняка. Из-за тусклого света не разглядеть имена, написанные на нем, но я знаю их наизусть: четырнадцать отцов, мужей, братьев и сыновей, погибших при обрушении лесов и стены пять лет назад. Чуть выше списка прикреплен позолоченный молоток – подтверждение того, что проект благословлен Верховным альтумом.

Это не просто соседство: главный архитектор не сможет взглянуть на символ своего величайшего достижения, не увидев при этом подтверждения своей величайшей неудачи.

Чтобы подобное больше никогда не повторилось, строительные леса должны быть такими же безопасными и надежными, как известняковые стены. А для этого требуется, чтобы кто-то регулярно обследовал их, проверяя, не появились ли трещины и не покосились ли балки.

И этот кто-то – я. Поэтому я и отношусь к этой обязанности со всей серьезностью.

Магистр Томас продолжает изучать модель, измеряя пальцами расстояние, когда сквозь щели в ставнях доносится нежный перезвон колоколов. Уже почти полночь, а значит, полная луна поднялась высоко и удастся наконец все увидеть. Хотя я пыталась скрыть свои намерения выбраться вечером на проверку, сейчас мне кажется, что необходимо дожидаться разрешения. Но близится буря, и мне совершенно не хочется терять время.

– Вы когда-нибудь задумывались, почему монахи ложатся спать перед вечерней молитвой? – спрашиваю я: надо же напомнить магистру, что уже поздно.

Послушники, входящие в религиозный орден и служившие в святилище, ложились спать примерно часа на два перед полуночной литургией.

– Судя по тому, что монахи поднимаются на рассвете для очередных песнопений, спят они, думаю, каждую свободную минуту, – доносится до меня его рассеянный ответ.

Он склоняет голову, чтобы посмотреть на указанную мной балку с разных углов. Архитектору уже сорок лет, он годится мне в отцы, но в его волосах не заметно никаких признаков возраста, не считая двух седых прядей у висков. Та, что слева, появилась после той самой трагедии, а вторая, по словам экономки, – больше десяти лет назад, и мне никогда не хватало смелости спросить, что случилось тогда.

– Я понимаю, почему на эту проблему никто не обратил внимания, – покачив головой, говорит магистр Томас. – Но туда будет трудно подобраться даже тебе.

Из-за резных статуй, выступающих из стены, опоры для строительных лесов возводили под разными углами.

Горгульи – часть дренажной системы, поэтому их нельзя повредить, но именно необходимость такого бережного обращения, скорее всего, и вызвала неприятности. Балка высоко, и я все еще не придумала, как добраться до нее. Но за свои семнадцать лет мне множество раз приходилось вскарабкиваться на деревья и лазить по стенам.

– За это я не переживаю.

– Ты никогда не переживаешь. – Он выпрямляется и вновь переводит взгляд на меня. – Наверное, мне стоит отправиться с тобой. Я могу подержать фонарь.

¹ Трансепт – часть святилища, пересекающая его центральную часть, которая на плане выглядит как поперечная перекладина креста.

Пока я обдумываю его предложение, сомневаясь, что мне понадобится помощь или хотя бы фонарь, из кухни доносится резкий стук в дверь.

Странно. Кто мог прийти в такой час, да еще к задней двери в переулке, а не к парадной с улицы?

Через пару мгновений в мастерской появляется госпожа Лафонтен. После целого дня, проведенного за выпечкой хлеба и нарезкой овощей, ее седые волосы слегка выбились из пучка, а на лице застыло кислое, неодобрительное выражение.

– Кое-кто хочет вас видеть, магистр, – вытерев обветренные руки о фартук, заявляет она. Архитектор сжимает челюсти и подозрительно прищуривает серые глаза.

– Кто там?

– Перрета Шарпантье.

Дочь одного из четырнадцати погибших строителей. Ее визиты всегда заканчиваются плохо, но архитектор считает себя ответственным за смерть ее отца, поэтому помогает ей деньгами, хоть она и моя ровесница. В последнее время, впрочем, стало заметно, что она много зарабатывает – встала на тот путь, от которого магистр Томас пытался ее удержать, – но продолжает относиться к нему как к источнику дармовых денег.

– Скажи ей, чтобы пришла завтра, – говорит он.

Но экономка качает головой.

– Перрета говорит – если вы не примете ее сейчас, она отправится к Верховному альтуму.

Несложно представить, какую позу приняла девица, произнося свою угрозу: рука упирается в бедро, выпячивая его, а алые губы на накрашенном лице надуты. Не сомневаюсь, она специально дождалась полуночи, чтобы в случае отказа действительно отправиться к дому альтума Жервезе, который как раз к этому времени возвращается после молитв в свой роскошный особняк.

– Я прекрасно справлюсь сама, магистр, – говорю я. – И собиралась отправиться одна.

Он качает головой, хотя по нему видно, что он колеблется.

– Может, перекроем этот участок с самого утра, а затем осмотрим его?

– Вы же знаете, что время и так поджимает, – напоминаю я. – Альтум расстроен из-за задержек, вызванных погодой. И уж точно рассердится, если мы остановим работы.

«Рассердится» – еще мягко сказано. Он уже больше двух лет плетет интриги – пытается сместить магистра с должности. И ему удалось переманить нескольких человек на свою сторону. В итоге пожертвования сократились, строительство замедлилось, и это вновь подтолкнуло людей к мысли, что архитектора пора менять.

Вот почему я потратила все утро на то, чтобы показать градоначальнику Коллиса и его сыновьям строительную площадку. К счастью, граф Монкюир впечатлился увиденным и пообещал внести щедрый вклад. После этого я отвела его к художнику-витражисту, который тут же нарисовал его портрет, чтобы использовать на одном из витражей святилища. Ничто не открывает доступ к кошельку мужчины лучше, чем публичное доказательство его щедрости.

Главный архитектор несколько секунд обдумывает мои слова, а затем, наконец, вздыхает:

– Хорошо. Я поговорю с ней, госпожа Лафонтен. Наедине. Впусти ее.

Я с облегчением открываю дверь на улицу.

– Я вернусь до начала дождя.

– Катрин, – окликает меня архитектор. – Ты кое-что забыла.

Я замираю в дверях, старательно подавляя стон.

– Магистр Томас, я никогда не падала.

– До прошлого лета молния никогда не попадала в колокольню, – сурово напоминает он о том, как несколько метров самой низкой из четырех башен святилища разворотило в грозу. – «Никогда» означает «пока еще не».

Тяжело вздохнув, я снимаю свернутую в кольцо страховочную веревку с вешалки у двери, на которой висит и плащ магистра. А затем – вновь разворачиваюсь к выходу, но краем глаза ловлю взгляд архитектора и останавливаюсь, чтобы обвязать один конец веревки вокруг талии.

– Так лучше?

Борода начальника слегка колышется, когда губы изгибаются в недоверчивой ухмылке.

– Ты воспользуешься ею?

– Да, магистр, – уверяю я, хотя и не сомневаюсь, что она станет мне мешать.

– Будь осторожна, – напутствует он и машет мне рукой, отправляя в путь. – Мать Агнес набросится на меня с голыми руками, если с тобой что-нибудь случится.

Ухмыльнувшись, я перекидываю веревку через плечо. Несмотря на то что настоятельница аббатства Солис недавно отпраздновала семидесятилетие, сомневаюсь, что она проиграет в этой стычке.

Через мгновение в мастерскую врывается Перрета с жеманной ухмылкой на лице, за которой не видно гнилых зубов. Тяжелый запах духов, разлетающийся от ее платья, ударяет в нос, отчего я морщусь и резко закрываю дверь. В прошлый раз, когда эта девица приходила сюда, пришлось целый день проветривать мастерскую.

Оказавшись на улице, я поднимаю голову к небу, чтобы оценить, хватит ли мне времени осмотреть балку до дождя. Пока хватает, но все же стоит поторопиться. Поэтому я поворачиваюсь и бегу вверх по склону к святилищу, чувствуя, как ветер дует мне в спину.

Глава 2

Поразительно, насколько легко увидеть проблему в лунном свете. Думаю, все дело в том, как тени играют на изгибах и углах опор, прижатых к новой каменной конструкции. Словно тьма уговорила дефект проявиться, считая, что никто не станет на него смотреть. Что, конечно же, настоящий бред.

Вот только с земли его все равно не видно. И мне предстоит забраться повыше, чтобы удостовериться в необходимости приостановки работ на этом участке.

Но из расположенных рядом возвышенностей только каменная горгулья, выступающая из стены святилища примерно на метр, способна выдержать мой вес. Она торчит, потому что из пасти этого собакоподобного существа сливается вода с крыши. И, хотя ее задумывали такой же свирепой, как и остальные скульптуры, круглое отверстие во рту делает ее до смешного удивленной. А свист от ветра в трубе напоминает визг домохозяйки, которая увидела мышь, что вызывает еще больший смех.

Из-за выстроенных вокруг лесов мне приходится балансировать на спине скульптуры на носочках, чтобы дотянуться до искореженной балки. Но зато мне сразу же удается нащупать трещину в дереве, которая не заметна ни сверху, ни снизу.

Рухнувшие небеса, да она *огромна!* Чудо, что балка еще не проломилась. А ведь днем здесь полно рабочих. Если бы эта секция лесов рухнула, вряд ли бы кто-то выжил, упав с высоты шести этажей на лежащие внизу камни, которые вытесывают и режут мастера.

Я подаюсь вперед, чтобы прощупать, насколько глубока трещина. Она примерно с мое предплечье в длину – слишком большая, чтобы хватило просто обмотать веревкой, – а внутри множество мелких щепок, что лишь подтверждает, что балка вот-вот переломится. Но, сколько бы проблем это ни принесло, я рада, что теперь могу принять верное решение: всю секцию придется разобрать и собрать заново.

А это приведет к остановке строительства на два дня. И даст Верховному альтому еще одну причину для жалоб.

Острая щепка впивается в средний палец. Я рефлекторно отдергиваю руку и, заметив кровь из-под ногтя, тяну палец в рот. Резкий медный привкус в мгновение ока обволакивает язык, но кровотечение быстро останавливается. Поэтому через несколько секунд я подставляю руку под лунный свет, чтобы посмотреть, не осталось ли заноз. Но, к счастью, ничего не нахожу.

Вот только вторая рука, которой я продолжаю упираться в балку и удерживать себя на весу, начинает дрожать.

Прежде чем я успеваю перехватиться, налетает сильный порыв ветра. Свист в трубе горгульи становится пронзительней и громче, вызывая дрожь в конечностях и позвоночнике. Все мышцы мгновенно сокращаются, и я теряю последнюю ненадежную опору.

А в следующее мгновение – лечу на камни, кувыркаясь в воздухе, пока небо, леса, святилище и луна проносятся перед глазами. Капли крови дугой окрашивают стену, и в то же мгновение я понимаю – *без всяких сомнений*, – что умру.

Никогда не думала, что все закончится так.

Зрение заволакивает тьма, когда я выгибаюсь и хватаюсь за горло в отчаянной попытке остановить кровотечение. А второй рукой так же тщетно цепляюсь за стену, чувствуя, будто меня разрывает на части.

Боль – единственное, что наполняет мой мир. И мне остается лишь ждать, пока не растворятся остатки моего сознания.

Но этого не происходит.

Зрение медленно восстанавливается, возвращая четкость окружающим предметам, но лишь через несколько секунд я осознаю, что не умерла, а зависла примерно в двенадцати мет-

рах над землей, болтаюсь на страховочной веревке, которая впивается в талию. Я перевожу изумленный взгляд на горгулью, прослеживая веревку до лесов, к которым с большой неохотой прикрепил ее несколько минут назад. Визг все еще наполняет воздух, но... неужели эти звуки доносятся из рта статуи? Они звучат так... по-человечески. Словно кто-то испугался или вот-вот умрет – или и то и другое сразу. Если бы я не сомневалась, что визг раздался до моего падения, – решила бы, что это я визжу.

На стене не видно ни капли крови. Как и на руках, которые я поднимаю к лицу в лунном свете.

Но я *видела* кровь. *Чувствовала* ее.

Казалось, я умираю. И я все еще не уверена, что этого не произошло.

Вот только мертвые вряд ли чувствуют такую боль. Кряхтя, я извиваюсь в воздухе, чтобы упереться ногами в стену. Благодаря кожаным ботинкам, которые созданы специально для лазанья, мне довольно легко удается взобраться обратно, несмотря на дрожащие руки и синяки, расплзающиеся по талии. Куда сложнее, оказывается, перелезть через горгулью, чтобы добраться до плетеной из камыша платформ.

Оказавшись в безопасности, я приваливаюсь к известняковой стене святилища, обещая больше не ныть насчет страховки. А затем принимаюсь сворачивать свободную веревку в кольцо, пока не замечаю, что кончики пальцев и ногти совсем не пострадали от подъема по стене – разве что вокруг ногтя запеклась кровь от укола о щепку. Покачав головой, я отвязываю веревку и обвожу взглядом все, что окружает мощеную площадь. Правда, большую часть обзора закрывают крыши трех-четырёхэтажных домов. Но на улицах Коллиса тихо, если не считать визга, все еще отдающегося эхом в голове.

Откуда он?

Перекинув веревку через плечо, я поднимаюсь на ноги и начинаю взбираться по лесам на вершину святилища. Леса заканчиваются на одном уровне с большим желобом, который установлен вдоль края крыши нового крыла здания. Подталкиваемая ветром, я прохожу к дальнему концу пристроенного крыла, где каменная химера наблюдает за своими владениями.

– Добрый вечер, Пьер, – говорю я, опуская свернутую веревку на крышу у него за спиной.

В отличие от горгулий, эти скульптуры – просто украшения. Наблюдая, как каждая из них обретает форму в руках мастера-резчика, я дала каждой из них свое имя. Пьер – самый любимый. Морда у него напоминает морду летучей мыши, а длинные изогнутые клыки выступают из широко раскрытого в рычании рта. Похлопывая по одному из крыльев, торчащих вверх из мускулистой спины, я продолжаю болтать, хотя и не настолько глупа, чтобы ждать ответа:

– Может, ты видел или слышал что-нибудь странное сегодня вечером?

С этого места видно весь холм, на котором стоит Коллис, и несколько километров за его пределами. Аббатство Солис, где я провела детство, стоит у подножия южного склона. За ним тянутся увитые плющом стены квартала селенаэ, где живет и властвует секта, члены которой бодрствуют в свете луны, а не Благословенного Солнца, и стараются привлечь к себе меньше внимания. Открытую площадь в самом центре квартала заливают ровный свет, который явно порожден не костром. И даже отсюда я слышу навязчивые мелодии полуночных гимнов.

Но за пределами стен селенаэ не видно ни одного гуляки, а город затих, словно умер, если не считать быстрого ритма шагов, отражающихся от стен брусчатки. Я машинально выглядываю за край, чтобы взглянуть вниз, и кажется, будто вытянутое крыло Пьера указывает на одинокую фигуру. Закутанный в плащ мужчина – в этом можно не сомневаться – явно не пьяница, бредущий домой из таверны. Скорее всего, вышел из дома мадам Эмелин или другого подобного заведения, но движется так быстро и целеустремленно, словно убегает от чего-то.

Я провожаю взглядом темную фигуру, пока она не сворачивает в переулок, скрываясь из виду, а затем наступившую тишину разрушает потусторонний голос.

Кто-нибудь, помогите мне. Пожалуйста.

Слова проносятся у меня в голове, невесомые, словно лунный свет, но наполненные таким тяжелым отчаянием, что мне с трудом удастся вздохнуть. То, что мать Агнес всегда называла моим «своенравным воображением», связывает терзаемый болью голос с убегающим. Возможно, он ограбил кого-то и бросил рыдающую от ран жертву на улице. Наткнется ли на пострадавшего ночной патруль до начала грозы? Или я единственная, кто сможет помочь бедняге? Но как мне его отыскать?

– Иди домой, маленькая кошечка.

Сердце колотится в груди, когда я прижимаюсь спиной к статуе и разворачиваюсь. Эти слова я действительно услышала.

Но они прозвучали так тихо, что произнесший их должен был находиться где-то поблизости. Возможно, даже у меня за спиной. Но там – никого. Широко раскрытыми от испуга глазами я осматриваю портик, крышу и леса, пытаюсь отыскать источник хриплого шепота:

– Не стоит гулять этой ночью.

Слова больше походят на предупреждение, чем на угрозу. Учитывая приближающиеся тучи и незнакомца, бегущего по улице, я склонна согласиться с этим утверждением – пока вновь не раздастся безмолвный крик.

Прошу. Кто-нибудь.

Я поддаюсь внезапному порыву. Ноги несут меня обратно, так что вскоре я, подталкиваемая необъяснимым стремлением, спускаюсь по столбам и прыгаю по переплетенным камышовым платформам. А оказавшись на земле – бегу трусцой туда, откуда появился человек в плаще. В глубине души я понимаю, насколько глупо ввязываться в это в одиночку. Но магистр Томас, даже если Перрета ушла, никогда не согласится бродить по улицам в такое время, особенно из-за таких неубедительных доводов.

Я сворачиваю на улицу, соединяющую площадь святилища с древним Храмом Солнца – святыней Адрианской империи, которая утвердила нашу религию. Хотя на табличках указано название «Путь молитвы», чаще всего улицу эту называют «Дорога удовольствия» – очень уж там много борделей. Многих девочек-сирот и подкидышей в Коллисе воспитывают в монастырях, но есть и те, кто отказывается принять обеты сестер Света. Им, к сожалению, редко удается найти достойную работу. Поэтому они оказываются здесь.

Когда я прохожу мимо четвертого квартала, на меня обрушивается волна чувств, вынуждая остановиться и, хватая ртом воздух, оглядеться. Лучи яркого лунного света не только освещают улицу, но добавляют резких, угловатых теней, которые расчерчивают окружающее пространство на неровные куски. Но дрожь вызывает именно сладкий металлический привкус в воздухе. В последний раз я ощущала нечто подобное, проходя мимо мясной лавки, на крыльце которой закололи свинью.

Кровь. Много крови. Но я ее не вижу.

Холодный ветер щекочет опавшими листьями мои лодыжки, вынуждая опустить глаза на землю, – и я замечаю в грязи большой след. Вернее, несколько следов: они ведут в сторону святилища, но появились из темного переулка справа от меня. Я проскальзываю под навес соседнего здания, осторожно выглядываю из-за угла и тихо зову:

– Эй!..

Но мне никто не отвечает. Лунный свет освещает полосой противоположную стену, и она кажется такой яркой, что все остальное просто не разглядеть. Я не помню, чтобы хоть раз бывала здесь, но странное ощущение, будто это место мне знакомо, толкает меня в скрытый тенями переулок.

Тьма смыкается вокруг меня, словно занавес. Запах крови становится таким невыносимым, что мне приходится закрыть рот и нос рукой. Вторую я вытягиваю вперед, чтобы ни на что не наткнуться в кромешной темноте. Делаю один нерешительный шаг к свету, затем второй. Отпихиваю ногами какой-то мусор – вернее, мне хочется надеяться, что это мусор. А

добравшись до освещенной стены – вижу дугу из алых брызг, жутко напоминающую ту, что привиделась мне при падении со спины горгульи.

Это невозможно. Хотя сейчас я понимаю, что стена, увиденная мной в тот момент, была не безупречно гладкой, как в святилище, а неровной и запачканной. Как грубо отштукатуренный плетень.

Один участок, примерно посередине, выглядит иначе – словно кто-то пытался ухватиться за стену мокрой рукой. Кончики пальцев на левой руке слегка болят, словно это их след я вижу. Как загипнотизированная, я протягиваю ладонь, чтобы понять, отличается ли реальность от воспоминания.

Когда до стены остается всего несколько сантиметров, переулок внезапно озаряется светом, словно рядом зажгли тысячу свечей. И все вокруг становится видно, как днем: стены, ящики, бочки, кучи мусора, снующие крысы... и тело женщины на земле.

Она лежит навзничь, ногами ко мне. Из-под измятой юбки выглядывают бледные икры и поношенные туфли на деревянных каблуках. Вместо живота – месиво из разорванной ткани и внутренностей, которые я раньше видела лишь у забитых животных. Кровь, словно темные чернила, растекается вокруг головы и плеч. Ее так много, что притоптанная земля пропиталась ею, а на поверхности все равно осталась неглубокая лужа, в которой отражаются звезды и плывущие облака.

Открывшаяся мне картина ужасна, но ужаснее всего другое.

Нижняя челюсть женщины отвисла в беззвучном крике, видно, что половины зубов нет. Лицо вдавлено, вместо глаз – темные провалы с месивом из разодранной кожи и мышц. Из окровавленных глазниц, словно слезы, стекают струйки крови – вниз, мимо родинки на щеке.

Стоит вдохнуть поглубже, как у меня перехватывает дыхание: я узнаю цветочный аромат, который смешался с плотным запахом крови. И понимаю, кто передо мной.

Перрета.

Глава 3

Рука застывает в воздухе, так и не коснувшись стены, пока я смотрю на залитый ярким светом переулок. Сейчас здесь светло, как днем, а то и светлее: вряд ли сюда часто заглядывает солнце.

Я и раньше видела мертвые тела. Видела смерть от болезней, несчастных случаев, насилия. Но ни одна из тех смертей не сравнится с этой.

Пожалуйста. Кто-нибудь. Помогите мне.

Влага пропитывает носок одного из моих кожаных ботинок. Осознав, что наступила правой ногой прямо в лужу крови, я невольно отшатываюсь назад – и в тот же миг переулок снова окутывает темнота.

Лишившись возможности что-то рассмотреть и сориентироваться в пространстве, я пытаюсь сбежать подальше, но запинаясь о собственные ноги и падаю.

Помогите мне...

От удара о землю зубы резко стучат друг о друга, а покрытую синяками поясницу сводит от невыносимой боли, но мне на это плевать. Меня волнует лишь то, что сейчас пропитывает землю и мою одежду. Поэтому, перекатившись, я поднимаюсь на четвереньки и ползу к входу в переулок.

...Кто-нибудь...

Крики эхом отражаются от стен, и лишь спустя несколько мгновений, когда выбираюсь на улицу, я понимаю, что они лишь усиливаются – и что это я кричу. Рухнув на мостовую, я извергаю содержимое желудка на булыжники. Меня рвет, пока я не чувствую себя опустошенной. Я тяжело дышу, я рыдаю – но никак не удается избавиться от воспоминаний о том, что осталось у меня за спиной.

Собравшись с силами, я сажусь на корточки, и в этот момент на втором этаже в нескольких зданиях от меня с грохотом открывается ставень. Из окна выглядывает женщина, которую я вижу невероятно четко. Под ее глазами – темные круги, платье свободно болтается на теле. Из-за ее спины доносится тихий плач.

– Заткнись, пьяница, – кричит она. – Только уложила дочку!

Прежде чем я успеваю отреагировать, она захлопывает ставню, оставляя меня в одиночестве.

Я оглядываюсь по сторонам. Кажется, больше никого не беспокоят мои вопли, но, полагаю, раз никто не обратил внимания на крик женщины, которую убивали, вряд ли стоит удивляться. Судя по вкусу крови во рту, я прикусила язык, падая. Поднимаю руку, вытираю лицо тыльной стороной ладони – алый след тянется по ней от запястья до костяшек пальцев.

Что мне делать? Перрета мертва. И ей никто не может помочь, но и оставлять ее здесь кажется неправильным. Уверена, магистр Томас знал бы, как поступить.

Благодатный день! Узнай хоть кто-то, что Перрета приходила сегодня вечером к магистру, он станет подозреваемым. И не имеет значения, что он невиновен. Из-за его связи с ней даже тень сомнений может стоять ему должности главного архитектора. А значит, необходимо его предупредить.

Первые грозовые облака наконец добираются до луны, ненадолго гася ее свет. Холодный ветер приносит первые капли дождя, роняя их на землю передо мной. Я опускаю руки, чтобы помочь себе подняться, и случайно касаюсь пропитанного кровью ботинка.

Пожалуйста. Кто-нибудь. Помогите мне.

– Хорошо! – кричу я в небо.

Мой голос перекрывает раскат грома. Я старательно вытираю пальцы, оставляя на короткой юбке кровавые разводы. Неподалеку отсюда – Дом мадам Эмелин. Наверное, она одна из немногих, кто не отмахнется от случившегося с Перретой.

Я поворачиваюсь и бегу по улице, когда луна вновь скрывается за облаками, окрашивая мир темными приглушенными красками, – и больше не появляется. Но, к счастью, ливень настигает меня в тот момент, когда я подхожу к дверям. Открывает сама Эмелин, и я быстро протискиваюсь внутрь, успев немного промокнуть.

– Перрета, – выдыхаю я, когда она закрывает за мной дверь.

– Здесь не работает, – заканчивает мадам.

Ее обесцвеченные до желтоватого оттенка волосы завиты и слегка выбились из прически, на лице – несколько слоев косметики. В свете свечи помада еще больше подчеркивает ее тонкие губы. Она поднимает свечу, чтобы рассмотреть меня, – и ее раздражение быстро сменяется беспокойством.

– Что с Перретой?

– Она мертва. Я нашла ее тело, – сообщаю я.

Беспокойство Эмелин слегка стихает.

– Ты уверена, что она не отключилась от сконии? Это происходит не впервые.

Голос самой мадам звучит хрипло. Виной тому все та же скония – дешевая дрянь, которая вызывает эйфорию, если поджечь и вдохнуть пары.

– Уверена. Ее... – Я втягиваю воздух, чтобы успокоиться, и мне удается закончить: – Это ужасно.

Эмелин вздыхает:

– Скажи ночным стражам. А они сообщат градоначальнику.

Она поворачивается к лестнице в дальней части комнаты.

– Я... ну, не смогла найти никого до начала ливня, – говорю я, хотя никого и не искала. –

Поэтому пришла сюда.

Мадам оглядывается через плечо:

– Тогда нам повезло, что двое стражников сейчас наверху.

* * *

Мадам Эмелин уверяет стражников, что не расскажет, где те проводили время, если они поднимут тревогу. Стражники, к ее радости, это и делают, всполошив весь район, несмотря на грозу. Один стражник отправляется во Дворец правосудия, второй до прибытия товарищей безуспешно пытается удержать зевак подальше от переулка. Немногие «счастливики», которым удалось заглянуть туда, принимаются рассказывать всем об увиденном, и с каждым пересказом описание становится все более жутким. Почти все люди толпятся под небольшими навесами и в дверных проемах, но я медленно брожу рядом, прислушиваясь к сплетням, чтобы узнать, куда Перрета ходила вечером. Выяснить ничего до сих пор так и не удалось. Мадам Эмелин стоит у входа в переулок, скрестив руки на груди. Ее налитые кровью глаза горят от ярости: офицер все еще не появился.

Я переживаю, что магистр отправится искать меня, но пока не решаюсь уйти. Пальцы ног онемели от холода. Приходится сменить позу. От этого в ботинках чавкает, и из них тонкими струйками начинает вытекать кровь, образуя лужу под подошвами.

...*Помогите мне...*

Мольба эхом отдается в голове, и я стискиваю челюсти. Призрачный голос Перреты не ослабевает, как и дождь, струи которого стекают по моему лицу. Я подняла тревогу. Разве этого не достаточно, чтобы оставить меня в покое?

За час гроза стихает, и на западе небо с редкими облаками сияет в свете полной луны. Несколько человек сворачивают с соседней улицы, и среди них выделяется высокая фигура в плаще, при виде которой у меня замирает сердце. Но, в отличие от мужчины, которого я увидела с лесов святилища, у этого плащ невзрачного серого цвета, а одежда под ним – такая темно-синяя, что кажется черной. Он скользит от тени к тени, словно сам является их частью, пока не замечает меня и не замирает, подняв одну ногу для следующего шага.

– Вот ты где.

Незнакомец слишком далеко, чтобы я могла расслышать его хриплый шепот, но тот все равно доносится до меня. И этот голос мне знаком. Я слышала его раньше, когда стояла на крыше с Пьером: «Иди домой, маленькая кошечка».

Желудок сжимается в кулак, когда мне удастся рассмотреть радужки с серебристым кольцом, сверкающие даже в тени темного капюшона. Это селенаэ.

Я бы не сказала, что боюсь их, скорее опасаясь, как и любой другой житель Коллиса. Селенаэ – одни из самых искусных целителей, многие считают их волшебниками. Только самые богатые горожане могут оплатить их услуги, но, говорят, они берутся за дело, только если человек на грани смерти. Правда, если верить слухам, они же и распространяют сконию, которую многие используют, чтобы хоть как-то терпеть ужасную жизнь. В этой закрытой секте ориентируются по времени луны, а не Благословенного Солнца. И не всегда чтут законы Галлии, порой преступая их.

Но у Детей ночи два нерушимых правила: не выходить за пределы квартала ночью и не браться за дела, которые не связаны с селенаэ. Что-то заставило этого мужчину пренебречь и тем и другим.

Судя по его действиям, это что-то – я.

Я продолжаю стоять, словно статуя из святилища, пока его взгляд скользит по моему телу. Он снова смотрит мне в глаза – едва заметно кивает. Широкие плечи расслабляются, серебряная цепочка на его шее слегка сдвигается, блеснув в лунном свете. Несмотря на темноту, я вижу, что скрытое под капюшоном лицо испещрено шрамами, а нос перекошен. Не избегай селенаэ любого насилия, я бы предположила, что он раньше воевал или, по крайней мере, часто дрался в баре.

Не сводя с меня пристального взгляда, мужчина в плаще отступает назад, глубже в тень.

– Иди домой, – шепчет он.

Как и раньше, его слова больше похожи на предупреждение, чем на угрозу, и я даже подумываю послушаться, пока не вижу графа Монкюира.

Судя по внешнему виду, градоначальник действительно торопился: его одежда измята, а на рыжеватую бороду и усы не попало и капли масла, поэтому они топорщатся в разные стороны. За графом следует высокий незнакомый человек – он еще растрепаннее, хотя наряд пошит из дорогой ткани по его долговязой фигуре. Мужчина – как и большинство присутствующих – явно только поднялся с постели. Его тусклые светлые кудри примяты с одной стороны, торчат – с другой, а выражение лица такое, будто он в трансе.

Эти двое проносятся мимо селенаэ, словно не видят его. Возможно, так оно и есть, потому что, стоит им перекрыть мне обзор, как незнакомец исчезает. А когда я вновь отыскиваю его – успевает пройти половину квартала, удаляясь от меня так же тихо, как и пришел.

Теперь у меня ни единого шанса вернуться домой. Поэтому я сливаюсь с толпой, которая увеличилась благодаря появлению градоначальника и поутихшему дождю. На всех лицах явно читается облегчение. Пришел назначенный королем вершитель правосудия, а значит, скоро воцарится порядок.

– Что здесь происходит? – громко вопрошает граф Монкюир, вкладывая в голос всю мощь собственной власти.

Они вместе со спутником вступают в круг света от факелов. Незнакомец с бледно-голубыми глазами медленно моргает, стараясь привыкнуть к яркому огню. Что-то в его левом глазу привлекает мое внимание, но с этого ракурса мне не удастся рассмотреть что.

Вперед выходит один из стражников:

– Около часа назад обнаружено тело женщины, ваша светлость.

Градоначальник хмыкает.

– Есть какие-нибудь следы преступника?

– Нет, ваша светлость. – Стражник качает головой. – Скрылся задолго до того, как подняли тревогу.

Монкюир не удивляется.

– Кем она была? – Он задает свой вопрос толпе, не обращаясь к кому-то конкретному, но, когда замечает мадам Эмелин, приподнимает рыжеватую бровь. – Одна из ваших девушек, мадам?

– Если вас интересует, владели ли мы одной профессией, то ответ – да, – сердито говорит она. Косметика стекает по ее щекам из-за дождя и, возможно, скупых слез, но голос звучит уверенно и непримиримо. – Но по закону это не делает ее менее ценной, чем кого-то другого. И то, что с ней сотворили, шокирует даже вас.

Градоначальник несколько секунд осуждающе смотрит на нее, но никак не отвечает на утонченную дерзость.

– Кто обнаружил тело? Вы?

Эмелин взглядом отыскивает меня, молча спрашивая, хочу я признаваться в своем участии или нет. Стоит мне кивнуть, она прикинется, что я ни при чем. Я в нерешительности тру ладони о штаны.

...Помогите мне...

– Его обнаружила я.

Самой удивительно, что творю! Все, и Монкюир тоже, поворачиваются, чтобы посмотреть на меня, и мне приходится сглотнуть, чтобы голос и дальше звучал спокойно.

– Я услышала, как она кричала.

Конечно же, градоначальник узнал меня, ведь еще утром я показывала ему и сыновьям святилище. Ткнув в мою сторону мясистым пальцем, он приказывает:

– Раздобудь свет и следуй за мной.

Мне не хочется туда возвращаться. Руки трясутся так, что я едва не роняю факел, который кто-то сунул мне. Монкюир указывает на своего спутника:

– Симон, ты тоже.

– Почему? – упирается тот.

– Ты сам знаешь.

Я недоуменно смотрю на графа Монкюира. Он уже больше двух десятилетий занимает должность градоначальника Коллиса, а этому Симону едва перевалило за двадцать. Неужто граф считает, что этот молодой человек увидит то, на что не обратит внимание он?

Бледные глаза Симона вспыхивают от гнева, а на лице отражается желание воспротивиться, но затем он вновь надевает маску спокойствия – и через миг делает шаг вперед, хоть и немного неуклюже, словно кукла. Я пропускаю его, стараясь под любым предлогом оказаться подальше от тела. Мадам Эмелин тоже следует за нами, и никто не говорит ей на это ни слова. Переулок кажется темнее, чем раньше, несмотря на факел, который я удерживаю в руках.

Граф Монкюир останавливается рядом с неподвижным телом Перретты, которое прикрыли грязной, пропитавшейся дождевой водой и кровью льняной простыней. Ярко-красные пятна расползлись там, где живот и лицо.

– Кто накрыл тело? – спрашивает градоначальник.

– Я, – отвечает Эмелин. – И сейчас вы поймете почему.

Монкюир наклоняется и отбрасывает простыню. Почти всю кровь смыло дождем, но изуродованные черты Перреты ужасают не меньше, чем раньше. Я не ожидала какой-либо реакции от ветерана Второй войны Затмения, но, кажется, граф потрясен.

А Симон едва заметно вздрагивает.

Несколько секунд все молча смотрят на тело.

– Ну? – выпрямившись, наконец говорит Монкюир. – Что ты думаешь, Симон?

– Она мертва, – глухо отвечает тот.

– И? – Граф скрещивает руки на груди. – Это вызвано безумием или чем-то попроще?

На несколько долгих секунд повисает тишина, во время которых мы с мадам Эмелин даже боимся вздохнуть.

– Да, – тихо отвечает Симон. – Это дело рук безумца.

Эмелин облегченно вздыхает, пока я пытаюсь понять, что меняет это признание.

Больше не говоря ни слова, граф Монкюир разворачивается и возвращается на улицу. Мадам следует за ним, так что и я стараюсь не отставать, а выйдя на улицу, возвращаю факел мужчине, который мне его дал. Симон задерживается ненадолго, а затем и вовсе останавливается у входа в переулок, как бы преграждая путь.

В этот момент как раз прибывают взрослые сыновья графа. Старший, Ламберт, примерно одного роста с Симоном, тащит за руку коренастого Удэна. Как только они пробираются к нам, тот вырывает локоть и невольно делает шаг вперед, прежде чем ему удастся обрести равновесие.

– Я шел, – рычит он.

От него самого и его одежды так разит хмельным, что я чувствую это за несколько шагов. Удэн почти всегда пьян – и почти всегда буен.

– Недостаточно быстро, – спокойно отвечает Ламберт. – А отец просил поторопиться.

Я никогда не слышала, чтобы он повышал голос, и сегодняшняя вечер не исключение.

– Верно, – с недовольством говорит Монкюир. – Тебя не оказалось дома, когда я уходил. Где ты был?

– Наслаждался удовольствиями ночи. – Удэн не знает, что такое стыд. И, хотя у них с братом разница всего пять лет, кажется, что их разделяет полвека.

Симон вздыхает:

– Зачем ты привел Жулиану, кузен?

Дочь графа замерла позади братьев с виноватым выражением на лице и медным фонарем в хрупких руках. Свободное платье леди Жулиана натянула поверх ночной рубашки. Это не только хорошо видно, но и придает ей не самый презентабельный вид. Прямые каштановые волосы спадают до плеч, вокруг карих глаз на болезненно-худом лице виднеются багровые круги, больше похожие на синяки. Я не видела ее несколько месяцев, но, судя по ее виду, она больна. А ведь восемь лет назад считалась одной из прекраснейших девушек во всей Галлии! Но сейчас ей уже двадцать четыре – и, похоже, ей суждено остаться старой девой.

Услышав вопрос Симона, Ламберт хмуро сводит брови:

– Она проснулась. И мне не хотелось оставлять ее одну.

– Что случилось? – спрашивает Удэн. – Говорят, кто-то умер.

– Убили Перрету Шарпантье, – шипит мадам Эмелин. – Убили и оставили гнить в переулке.

Практически все краски стекают с лица Удэна, лишь на щеках остаются два багровых пятна, как у клоунов. Выходит, не просто пил, без сконии не обошлось. Но такие богатеи могут позволить себе не вдыхать пары, а купить концентрированный порошок, который либо нюхают, либо кладут под язык...

– Перрету? – сдавленно шепчет он. – Это невозможно.

– Почему? – спрашивает граф. – Ты сегодня был с ней?

Удэн закрывает рот и пытается сглотнуть.

– Да, – признается он через несколько секунд, которые ему требуются, чтобы совладать с собой. – Но... я не делал этого. Она ушла от меня несколько часов назад, сказав, что будет чуть позже. Но так и не вернулась.

Беспокойство звенит во мне громче, чем самый большой колокол святылища. Видимо, Перрета ушла от любовника, чтобы встретиться с магистром Томасом. Но знает ли об этом Удэн?

Монкюир оглядывается по сторонам, без сомнений, замечая подозрительные взгляды, которые зеваки бросают на его младшего сына. И сжимает челюсти.

– Мы немедленно начнем официальное расследование.

Это заявление будоражит толпу, и улица наполняется гулом голосов. Убийство проститутки никогда не привлекало столько внимания, но, видимо, дело в его жестокости и в возможной причастности к произошедшему сына графа...

– Симон из Мезануса. – Монкюир внезапно замолкает и поворачивается к парню лицом, а тот напрягается, словно хочет убежать. – Ты будешь вести это расследование.

– Почему я? – выпаливает он. – У меня нет официальной должности в Коллисе.

– Верно. Но такие должности даю я. – Граф отворачивается, пренебрежительно взмахивает рукой и уходит, видимо решив, что разобрался с произошедшим. – Примени свой опыт на деле.

Мадам Эмелин хмуро смотрит на Симона:

– Почему граф поручил это расследование вам, сэр?

Парень стискивает кулаки так, словно держится за поручни корабля, которого настиг шторм. А его сердитый взгляд сверлит спину градоначальника.

– Потому что я местный специалист по безумию, – обреченно шепчет он.

Глава 4

Стражи просят зевак разойтись по домам, и большинство слушается, но отпрыски графа де Монкюира остаются, поэтому и я не ухожу, надеясь выведать, знает ли Удэн, что Перрета ходила к архитектору. Помимо нас остается еще несколько женщин. Они стоят неподалеку небольшой кучкой, некоторые держатся за руки. Глядя на их обнаженные плечи и размалеванные лица, я понимаю, почему они не ушли. Работали вместе с Перретой.

Последний стражник переминается с ноги на ногу, смотря на Симона, который за две минуты не пошевелил ни единым мускулом, – и, не выдержав, откашливается, чтобы привлечь к себе внимание.

– Венатре...

Симон вздрагивает:

– Как ты меня назвал?

– Венатре, – смущенно отвечает стражник. – Так называют тех, кто расследует преступление.

Я никогда не слышала о Мезанусе, но раз Симон не знает этого слова, он явно не из Галлии.

Эмелин кивает, а затем убирает с лица мокрую прядь огненно-рыжих волос.

– Как венатре, вы обладаете практически такими же полномочиями, как градоначальник.

– Понятно. – Симон кривит губы. – Но, думаю, вряд ли кто-то из вас знает, что означает *venatorae* на языке Старой империи.

Лично я бы удивилась, скажи Эмелин или стражник, что умеют читать. Да и мне это слово незнакомо, хотя древний язык до сих пор используют в священных ритуалах.

– Это означает «охотник», – доносится голос Жулианы из-за спин братьев. – Вернее, «тот, кто выслеживает зверя до его логова».

Симон встречается с ней взглядом. Кажется, они общаются. Но как бы то ни было, он слегка расслабляется.

Удэн закрывает глаза.

– Значит, я могу уйти, *венатре*? – последнее слово он приправляет сарказмом. – Хочу домой.

Это бессердечие вызывает у меня отвращение. Да, он не видел, что сотворили с Перретой, но женщина, которую он хорошо знал, мертва.

Симон хмурится:

– Нам нужно обсудить, что ты делал и куда ходил сегодня вечером.

У меня аж перехватывает дыхание от вспыхнувшей надежды стать свидетелем этого разговора. Стоящий рядом с Жулианой Ламберт смотрит в переулочек, как и большинство недавно разбредшихся зевак. Мне так и хочется сказать ему, что лучше не смотреть на это.

– Кузен, – окликает его Симон, – не составит ли тебе труда сопроводить брата домой и не выпускать его за порог, пока я не смогу его допросить?

Сердце замирает в груди от этих слов, но, конечно, я не стану протестовать.

Ламберт выныривает из задумчивости и, кивнув, хватается за локоть Жулиану, а не Удэна.

– Пойдем, сестра. Симон прав, мне не стоило приводить тебя сюда.

Но она вырывается из его хватки:

– Я бы лучше осталась и помогла. Записала бы наблюдения Симона.

Она вновь встречается взглядом с венатре, молча моля его согласиться.

А затем одними губами произносит: «Пожалуйста, я не буду мешать».

К моему удивлению, он, вздохнув, кивает и подзывает ее к себе.

– Не думаю, что ей стоит на это смотреть, кузен, – нахмурившись, говорит Ламберт.

– Это не тебе решать, – отходя от него, возражает Жулиана.

Прежде чем ее брат успевает ответить, Симон поднимает руку:

– С ней ничего не случится, Ламберт. И ты единственный, кому я могу доверить Удэна.

С явной неохотой старший сын графа хватает брата за руку и подталкивает в сторону дома:

– Постараюсь, чтобы он протрезвел.

– Спасибо. Надеюсь, мне не понадобится много времени. – Симон поворачивается к мадам Эмелин. – Когда закончу осмотр, вы можете забрать... – Он смущенно замолкает.

– Перрету, – подсказывает Жулиана.

– Верно, Перрету. – Симон благодарно кивает. – Вы сможете унести ее отсюда?

Эмелин бросает взгляд на нескольких женщин в сторонке. Почти все они, не скрываясь, плачут.

– Да, венатре, – говорит мадам. – Мы позаботимся о ней.

Они знают: никто другой не приложит и капли усилий, чтобы похоронить Перрету должным образом.

Симон смотрит на Эмелин сверху вниз.

– Но, прежде чем вы начнете ее переодевать, я хочу осмотреть ее при самом лучшем освещении, которое вы сможете предоставить.

При мысли о том, что он станет ощупывать тело мертвой голой женщины, у меня сжимается желудок, но мадам с готовностью кивает.

– Если это поможет.

Симон благодарит ее и подходит к стражнику, чтобы объяснить, как должно охранять этот район и следить за всеми, кто задерживается или проходит мимо чаще чем следует. Видимо, он считает, что убийца может вернуться, чтобы еще раз посмотреть на это место. Он явно знает, что следует делать, хоть и отнекивался от расследования.

Интуиция так и твердила, что бежавший по площади святилища человек причастен к произошедшему, но я не могу придумать, как лучше поделиться этой информацией с венатре, поэтому решаю поговорить с Жулианой. Она училась в аббатстве под руководством матери Агнес, но я моложе, и мы редко встречались, так что очень сомневаюсь, что она меня помнит. Тем не менее, кажется, прислушается ко мне только она.

Но не хватать же за руку дочь графа, чтобы выложить все как на духу! Приходится маленькими шагами пробираться к девушке.

– Миледи, возможно, я видела человека, сделавшего это, – тихо говорю я.

Но вместо того, чтобы повернуться ко мне, Жулиана дважды шелкает пальцами правой руки, привлекая внимание Симона. Его глаза – в левом определенно есть что-то странное – устремляются ко мне, и он слегка кивает.

Только после этого Жулиана переводит взгляд на меня и спрашивает:

– Что вы видели?

Симон только что дал ей разрешение поговорить со мной?

– Я услышала крик после полуночи, – отвечаю я, осознавая, что венатре наблюдает за мной. – А несколько минут спустя увидела человека, бегущего через площадь святилища.

Симон хмурит брови, и они низко опускаются над глазами.

– Как выглядел этот человек?

– Не знаю. Стояла темень, а когда он свернул в переулок, я потеряла его из вида.

– Почему вы были на улице в такое позднее время? – Венатре подходит ближе, рассматривая мой необычный наряд.

– Проверяла леса по заданию главного архитектора.

Взгляд Симона замирает на моих ногах.

– На ваших ботинках и брюках кровь. – Его глаза вновь поднимаются к моему лицу. – Ох, так это вы нашли тело.

Я киваю, зачарованно смотря на него. Обе радужки Симона совпадают по цвету с лазурным небом, изображенным на витражах северного окна святилища, но слева голубое кольцо рассекает карий клин. Никогда раньше не видела ничего подобного и даже не знала, что такое возможно.

– И кто же вы? – спрашивает он. – Дочь архитектора?

Магистр Томас дорог мне так же, как мог бы быть отец, но я не могу этого сказать. Да и назвать себя его ученицей – тоже.

– Я работаю на него, – просто говорю я.

Жулиана поднимает фонарь, чтобы заглянуть мне в лицо.

– Раньше вы жили в аббатстве сестер Света.

Если она и правда помнит меня, то, скорее всего, из-за случая, когда я выпустила коричневых жаб из мешка в гостиной настоятельницы, сорвав урок вышивания.

– Очень давно, – отвечаю я, чувствуя, как начинают пылать щеки.

На лице Жулианы расплывается сияющая улыбка:

– Точно. Каааааатриииииин!

Она невероятно похоже повторяет крик матери Агнес в тот день.

Я съеживаюсь:

– Верно. Это я.

Симон поднимает брови, но не задает вопросов.

– Мне потребуется от вас полный отчет о сегодняшнем вечере, мисс Катрин. Вы сможете прийти сегодня днем к градоначальнику или мне навестить вас?

– Я приду сама, – быстро отвечаю я.

Не хочется, чтобы венатре приблизился к магистру Томасу.

– Спасибо. До встречи. – Симон поворачивается ко мне спиной, давая понять, что я свободна. – Уверена, что хочешь помочь? – спрашивает он Жулиану. – Это будет неприятная картина.

Она пожимает плечами:

– Убийство людей никогда не бывает приятным.

Ее выбор слов удивляет меня. Симон морщится, но не утруждает себя ответом, а поворачивается лицом к переулку и, сделав долгий, глубокий вдох, расправляет плечи и скрывается в темноте. Жулиана следует за ним в свете раскачивающейся медной лампы. А я отступаю назад, и вход в переулок тут же окружают девочки Эмелин. Стражник тоже проявляет интерес, поэтому я незаметно проскальзываю в щель между соседними зданиями. Она настолько узкая, что легко удастся упереться в стены и забраться выше. Я не делала такого с тех пор, как повстречала архитектора. Он заметил меня, когда я убегала от шайки уличных воров, которых только что обокрала. Но в этот раз мне не придется прятаться в тени под карнизом: надо забраться на крышу левого здания. Правда, приходится подавить стон – синяки под рубашкой дают о себе знать.

Скользкая от дождя черепица и необходимость соблюдать тишину вынуждают меня двигаться медленнее, чем хотелось бы, пока я пробираюсь к переулку, где лежит тело. Лишь спустя пару минут я, наконец, опускаюсь животом на скат крыши и заглядываю за край. Луна вновь вышла из-за облаков. Теперь она у самого горизонта, и от нее мало толку, но мне удастся разглядеть Симона, присевшего на корточки рядом с Перретой.

Он поднимает ее окровавленную руку и изучает окоченевшие пальцы.

– Не уверен, что она смогла оцарапать его. – Стены отражают голос так хорошо, что кажется, будто я стою рядом. – Порезы на ее пальцах, скорее всего, от того, что она схватилась

за абдоминальную область, когда убийца ударил ее ножом. – Симон опускает руку Перреты. – Думаю, у него тоже остались похожие раны на руках от ножа.

– Произнеси еще раз по буквам, пожалуйста. – Голос Жулианы звучит резко и звонко, в отличие от голоса Симона. – Никогда не слышала такого названия.

– А-Б-Д-О-М-И-Н-А-Л-Ь-Н-А-Я, – поднимаясь на ноги, отвечает Симон. – Так врачи называют область живота.

Неужели он врач?

– Не могу сказать, сколько раз ее ударили, – рассеянно говорит он и жестом просит Жулиану поднять фонарь повыше, а сам медленно осматривается. – Определю позже, когда осмотрю тело. А пока... там.

Он замирает, внимательно разглядывая кровь на стене, и спустя несколько секунд обходит Жулиану, чтобы встать напротив этого участка.

– Скорее всего, он перерезал ей горло сзади, прямо здесь. – Симон указывает на пугающе знакомый мне узор, а затем приседает, чтобы рассмотреть то, чего не заметила я. – А потом начал колоть ее ножом. Вот эти вертикальные полосы...

Не знаю, что больше тревожит меня: то, что он так легко расшифровывает произошедшее, или то, что я знаю, насколько он прав.

Симон поднимается на ноги и возвращается по едва заметным следам к телу.

– Он притащил ее сюда, но она не сопротивлялась – видимо, находилась без сознания, а возможно, уже умерла.

– Невеликое милосердие, – говорит Жулиана.

– Согласен, – бормочет Симон, занимая место у головы Перреты. – Он вырвал ей глаза и раздавил лицо чем-то тяжелым, но я не уверен, в каком именно порядке это произошло.

Внатре вновь осматривает переулок. Теперь на это уходит почти минута, прежде чем он качает головой.

– Не вижу ничего, что он мог бы использовать. – Он вздыхает и потирает виски. – Все смешалось. Здесь потоптались, следы залил сильный дождь, а тело накрыли и сдвинули с того места, где оно изначально лежало...

А ведь он прав: Перрета сейчас лежит не так, как я ее обнаружила.

– Сомневаюсь, что смогу узнать здесь что-то еще, – говорит Симон. – Поэтому давай позволим им забрать ее.

Жулиана опускает фонарь.

– Мы отправимся с ними?

– «Мы» – нет, – выделив первое слово, отвечает он. – Мы отправимся домой и поговорим с Удэном. А затем я вернусь сюда вместе с Ламбертом, а ты останешься.

– Но я могу проследить, чтобы ничего...

– Жулиана, – строго обрывает ее Симон. – Ты и сама знаешь, как устанешь к тому времени.

Она вздыхает.

– Ты прав. Я действительно сегодня устала сильнее, чем обычно.

Симон выставляет локоть, словно приглашает кузину на прогулку, и они под руку выходят из переулка. А я отодвигаюсь от края крыши и ползу обратно.

И, чтобы перестраховаться, проворно перепрыгиваю через несколько проулков и прокрадываюсь в другой квартал, прежде чем спуститься.

Я не узнала, попадет ли магистр Томас под подозрение, но, если мне удастся прийти к Монкюирам, пока Жулиана будет там одна, возможно, получится узнать у нее, что рассказал Удэн.

А пока – надо предупредить архитектора.

Глава 5

– Катрин! – настагает меня крик на полпути к дому.

Магистр Томас бежит ко мне, его шапка съехала набок, а черный плащ развевается за спиной.

– Слава Свету! – выдыхает он. – Где ты пропадала? Я слышал, произошло убийство.

Я и не осознавала, что уже с трудом сдерживаю чувства, пока не оказываюсь в его объятиях и не начинаю рыдать.

– Восходящее Солнце, – шепчет магистр Томас мне в волосы. – Ты холодная, словно ледышка.

Несколько секунд он гладит меня по спине, а затем отстраняется и слегка нагибается – так, что наши лица разделяет лишь десяток сантиметров.

– Почему, Катрин? – тихо спрашивает он, но его голос наполнен небывалой злостью. – Почему ты здесь, а не в святилище?

Слезы текут по моим щекам и стекают по его большим пальцам.

– Я была там, но увидела... услышала... увидела...

Руки архитектора напрягаются.

– Что ты увидела?

– Мужчину. Рядом со святилищем, – выдыхаю я. – И услышала... – Я замолкаю.

А что я услышала?

– Ты услышала женщину, которую убили? – шепчет он в ужасе.

Трудно кивать, когда он так сжимает мое лицо, но зато зубы не стучат. А еще я вспоминаю, почему архитектору не стоит появляться поблизости от места убийства.

– Нам н-нужно идти, – говорю я.

– Да, да. Прости, что я так разозлился. Очень испугался за тебя.

Магистр Томас снимает свой плащ и набрасывает мне на плечи. Укутавшись в теплую ткань, я слегка успокаиваюсь и следую за архитектором по проулкам к задней двери дома, где ждет экономка, беспокойно заламывая руки.

Они усаживают меня у кухонного очага, и госпожа Лафонтен принимается вытаскивать шпильки из моих мокрых волос. Магистр Томас опускается на колени и, взяв мои грязные руки в свои, заглядывает мне в глаза.

– Что случилось, Катрин?

Не торопясь, я рассказываю ему о том, как услышала крик, но не упоминаю ни о своем падении, ни о том, как «увидела» кровь на стене. Говорю, как заметила человека на площади, как отправилась на поиски источника крика. Правда, о шепоте, гнавшем меня домой, тоже умалчиваю.

Магистр Томас вздыхает и качает головой.

– Что дернуло тебя отправиться в эту часть города в такой час, да еще в одиночку?

Как это объяснить?

– Я не знаю. Просто... просто поняла, что кому-то нужна моя помощь.

Архитектор медленно выдыхает и смотрит на экономку, которая застыла у меня за плечом с десятком шпилек в сжатом кулаке.

– Как ты это поняла? – спрашивает он. – Что-то услышала? Что-то еще, кроме крика?

– Не знаю, – покачав головой и шмыгнув носом, повторяю я. – Просто ощутила это. –

Новый всхлип вырывается из груди. – Но я опоздала!

Слегка приподнявшись на коленях, магистр Томас хватается за плечи:

– Хвала Свету, что ты опоздала.

Я слегка отстраняюсь:

– Как вы можете так говорить?

– Потому что ты не смогла бы остановить его! – От каждого его слова по телу расплзается дрожь. – Ему пришлось бы тебя убить, чтобы заставить замолчать! – Магистр медленно втягивает воздух, стараясь успокоиться, словно его тревоги – воздушный змей, который вырвется на свободу, если потянуть за веревку чуть сильнее. – Кэт, в том, что случилось с той женщиной, нет твоей вины.

– Это была Перрета, – шепчу я. – И убийца сделал... ужасное. Ее глаза... – Я зажмуриваюсь изо всех сил, тщетно пытаюсь отгородиться от ужасной картины.

Госпожа Лафонтен скрещивает руки на груди:

– Так и знала, что эта девчонка плохо кончит.

– Хватит, – обрывает ее магистр Томас. – Никто не должен плохо отзываться о мертвых. Особенно о тех, кто умер такой ужасной смертью.

Он никогда не разговаривал с экономкой так грубо. Даже после того, как из-за пожара на кухне сгорела половина дома и все его эскизы. И он никогда не злился на меня так, как сегодня вечером, – дважды за вечер.

– Что, если кто-то узнает, что она приходила сюда? – спрашиваю я. – Венатре захочет вас допросить.

Магистр Томас моргает:

– Назначили венатре? Для такой, как Перрета?

Я киваю.

– Его зовут Симон. Я никогда не видела его раньше, но он родственник Монкюиров.

Повисает долгое молчание. Архитектор смотрит в огонь камина, приглаживая бороду, а затем – убирает руку и, нахмурившись, потирает пальцы. Скорее всего, жесткие волосы попали в несколько свежих порезов на них.

– Что мы ему скажем, если он появится? – дрожащим голосом спрашивает госпожа Лафонтен.

– Правду, – опустив руку, отвечает он. – Она приходила сюда, но я отослал ее с пустыми руками.

Экономка поджимает губы:

– А насчет того человека...

– Об этом ни слова, – перебивает магистр Томас. – Не стоит упоминать его.

Он снова обращает все внимание на меня:

– Венатре знает, что ты слышала и видела?

– Да. И хочет, чтобы я ответила на его вопросы сегодня днем.

Магистру это не очень нравится.

– Значит, так и сделай. Но говори лишь о том, что знаешь, и как можно более простыми словами. И не упоминай о том, что Перрета приходила сюда, если не спросят напрямую. А если зададут вопрос, скажи, что ушла, как только она появилась, и ничего не знаешь. И не строй никаких догадок о том, что *могло* произойти. – Его серьезный взгляд впивается мне в лицо. – Поняла?

– Да, магистр, – шепчу я.

– Хорошо. – Он вздыхает и садится на пятки. – Итак, сегодняшняя ночь оказалась тяжелым испытанием, но меня интересует, нашла ли ты что-то в святилище, пока была там?

Я быстро киваю.

– Как я и предполагала, в балке огромная трещина. Она может разломиться в любой момент. – Я начинаю подниматься на ноги. – Позвольте показать вам на модели.

Магистр толкает меня обратно еще до того, как я успеваю сделать хотя бы шаг.

– Не переживай. Как думаешь, останавливать ли работы?

Архитектор всегда доверял мне, но никогда не принимал такие важные решения, не проверив все лично. Я сглатываю.

– Думаю, необходимо разобрать всю секцию лесов.

– Мне этого достаточно. – Он со стоном поднимается с колен, и я понимаю, что одежда на нем не та, в которой он со мной прощался. – Первые рабочие придут в течение часа. Начнем разбирать леса, как только на стройплощадке соберется достаточно людей.

Экономка начинает суетиться на кухне, распиливая буханку хлеба длинным ножом, а затем добавляя к нему ломтики сыра и мяса. Магистр Томас наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб.

– Приведи себя в порядок и немного отдохни. А когда придешь в себя, сможешь... – Его голос затихает, а дыхание слегка ускоряется. – Ты сама увидишь, что нужно сделать, – заканчивает он.

Госпожа Лафонтен сует в руки хозяину наспех приготовленный завтрак, прежде чем он выходит из кухни.

А как только мы с ней остаемся наедине – заставляет меня съесть ломтик хлеба с маслом и вытаскивает чан для мытья. После дождя все бочки снаружи переполнены, поэтому госпожа Лафонтен наполняет все свободные чайники и котелки, которые влезают на огонь, чтобы согреть мне воды. Спустя час, за который я успеваю дважды задремать в кресле, она удовлетворенно кивает.

И, как только я оказываюсь в теплой воде, споласкивает мои вещи в небольшом тазу.

При виде крови на них меня охватывает нестерпимое желание соскрести с кожи даже малейшие капельки. Экономка только потакает мне, тщательно счищая грязь с моих ботинок и подливая горячей воды мне в чан, как только очередной чайник вскипает на огне. Настаивает на том, чтобы полностью распутать и расчесать мои волосы – на это вполне мог бы уйти весь день, не будь она такой умелицей.

Когда мои густые кудри укрощены и уложены заново, экономка достает с высокой полки сухую простыню – в нее можно завернуть меня два раза.

– Ложись спать. А когда проснешься, отправись на встречу с венатре. И мы, наконец, оставим позади эту историю.

– Он из Мезануса, – говорю я. – Ты знаешь, где это?

– Никогда не слышала. – Она ведет меня в комнату, словно собирается переодеть и уложить в постель. – Хватай свои ботинки, еще понадобятся.

Я удивляюсь ее словам, но послушно выполняю требование. А как только мы доходим до дверей мастерской архитектора – замираю от полнейшего шока. Куски великолепной модели святилища разбросаны по полу. Несколько массивных стен уцелело, но весь пол усыпан крошечными каменными блоками и комками раствора. На широком выступе под закрытыми ставнями кучками лежат крошечные осколки цветного стекла из миниатюрных витражей. Некоторые разложены по образцу, словно магистр Томас начал собирать их вновь.

– Что произошло? – шепчу я в ужасе.

– Эта девчонка и произошла. – Госпожа Лафонтен берет метлу и расчищает путь к лестнице. – Магистр сказал не говорить о ней плохо, и я не буду, но и хорошего вы от меня не услышите.

Перрета это сделала? Но как?

Битое стекло блестит на половицах даже там, где уже подмели, поэтому я влезая в ботинки. Но прежде чем выпрямиться, поднимаю скомканный пергамент, лежащий у моих ног. Тот самый, на котором написаны имена погибших. Видимо, его сорвали со стены и бросили через всю комнату. Я поднимаю глаза. Золотого молота тоже нет на месте.

Вот как Перрета посеяла этот хаос. В нос бьет аромат ее духов, напоминая об ужасной сцене в переулке.

Желудок сжимается, а глаза заволакивает слезами, когда я смотрю на обломки. На ремонт и переделку уйдет несколько месяцев. Вот что имел в виду магистр Томас.

– Ну же, – прислонив метлу к стене, зовет экономка с нижней ступени лестницы. – С этим разбираться будешь после того, как хорошенько выспишься.

Я в оцепенении прохожу мимо мастерской и поднимаюсь по ступенькам. Предположение, что госпожа Лафонтен собирается уложить меня в постель, оказалось верным. Но я не сопротивляюсь. Меня снедает беспокойство: любой, кто узнает о случившемся, предположит, что магистр Томас разозлился на Перрету.

Но была ли его злость достаточно сильной, чтобы убить ее?

Достаточно сильной, чтобы так поиздеваться над телом? Что-то в это не верится.

И не поверю. Никогда.

Но так ли подумает венатре?

Глава 6

Я проспала практически до полудня. Пока натягивала чистую рабочую юбку, еле сдерживала слезы от боли из-за синяков и ссадин на животе и поясице. Ободранная кожа протестовала против каждого прикосновения ткани и любого движения. Все это напоминало о том, как мне повезло остаться в живых, но в голове постоянно всплывают слова и видения, которые возникли, пока я падала. Часть меня все еще верит, что прошлой ночью умерла именно я.

Даже в ботинках я стараюсь осторожно ступать по полу, проходя мимо мастерской. Ставни еще опущены, но меня радует темнота. Кажется неправильным, что Благословенное Солнце сияет так ярко, когда все в нашей жизни перевернулось с ног на голову и висит на волоске.

Но мое настроение немного меняется, когда я вижу молодого человека, сидящего за кухонным столом. Он поднимает глаза и ухмыляется мне. За последние полгода черты его лица, кажется, увеличились достаточно, чтобы соответствовать гигантскому носу, а над верхней губой вместо тонких редких волосков появились солидные черные усы. Когда он встает, чтобы поприветствовать меня, я понимаю, что он все еще выше меня на десяток сантиметров.

– Светлого дня, Реми! – восклицаю я, бросаясь в его объятия. – Рада тебя видеть.

Раскаты смеха в его груди резонируют с моими, когда он сжимает меня в ответ. Но, прежде чем мне удастся раствориться в его объятиях, я вдруг вспоминаю, как мы расстались прошлой осенью. А помнит ли он?

Я отстраняюсь, чувствуя неловкость. Грубые руки Реми обхватывают и сжимают мое лицо, пока ярко-зеленые глаза ищут встречи с моими. Он сжимает губы зубами, и я невольно повторяю это движение. О да, он помнит.

Реми морщит лоб:

– У тебя теперь другие глаза.

– Чепуха, – возражает госпожа Лафонтен из-за стойки на другом конце кухни.

Судя по запахам и тому, что удалось разглядеть краем глаза, она готовит любимые блюда сына.

– Нет, правда. – Реми склоняет голову набок. – Раньше были темнее, а сейчас внешние края... четче.

У меня карие глаза, вернее, смесь карего и голубого. И то, что он так хорошо знает их цвет – или думает, что знает, – говорит о многом.

– Это просто свет.

Экономка гремит двумя чугунными кастрюлями так громко, что мы с Реми отскакиваем друг от друга. Ей явно не нравится то, что происходит между нами, а я и сама не уверена, что именно происходит.

Уезжая на дальнейшее обучение в Лютецию, Реми поцеловал меня на прощанье в щеку, как брат сестру, и сказал: когда он вернется, все изменится. Я предположила, что он говорил о проверке умений, которую сможет пройти после обучения, если на то будет воля Солнца. А потом он назвал меня по имени – впервые – и снова поцеловал. Но теперь уже в губы. И совсем *не по-братски*.

Нет, я не посчитала свой первый поцелуй противным, но и не ощутила того трепета, которого ожидала. Возможно, его перекрыло мое удивление.

...Реми садится обратно и отодвигает для меня соседний стул, словно между нами и не было ничего странного.

– Когда ты приехал? – заняв предложенное место, спрашиваю я.

Он косится на свою мать.

– Рано утром.

– Значит, ночуешь где-то недалеко от города, – делаю вывод я. – Почему не стал добираться?

– И поднимать всех на уши перед сном? Маме нужно как следует высыпаться. – Госпожа Лафонтен бросает на сына хмурый взгляд через плечо, а Реми улыбается в ответ. – Хотя, я слышал, она все равно плохо спала из-за вчерашних волнений.

От этого напоминания у меня тут же пропадает аппетит.

– «Волнения» – не то слово, которое бы я выбрала.

– Ох, чуть не забыла, – прерывает нас экономка. – Приходил венатре. Хотел поговорить с тобой, но я сказала, что ты спишь и собиралась сама прийти к нему, как вы договаривались.

– Венатре? – Реми удивленно распахивает глаза. – Ради Перреты проведут официальное расследование?

– Удэн Монкюир признался, что встречался с ней вчера вечером, – говорю я. – И это слышали десятки людей.

Плечи экономки напрягаются, а Реми наклоняется вперед, сосредоточив все внимание на мне.

– Сын графа – один из подозреваемых?

– Думаю, расследование по большей части затеяли, чтобы оправдать его, – отвечаю я. – И, скорее всего, поэтому венатре – не граф и не его старший сын.

– А кто?

– Его зовут Симон из Мезануса. Кажется, родственник Монкюиров.

Реми вновь откидывается на спинку стула.

– Что ж, тогда пусть их семья и разбирается.

– А ты знаешь, где это – Мезанус? Я никогда раньше не слышала.

Я рассматриваю тарелку с печеньем, стоящую между нами. Кажется, сейчас мой желудок даже одну печенинку не сможет переварить.

– Думаю, в Приции, – говорит Реми. – Недалеко от побережья.

Приция – это в нескольких днях пути на север от Галлии. И там говорят на другом языке. Вот только у Симона такого акцента нет.

Реми поигрывает вилок на столе, вращая ее одним пальцем.

– Какой он?

– Венатре? – Я пожимаю плечами. – Сначала возражал против того, чтобы его назначали. Но, думаю, все сделает тщательно.

– Насколько тщательно?

Я снова пожимаю плечами, в этот раз – чтобы скрыть свое беспокойство.

– Думаю, я узнаю это, когда буду отвечать на его вопросы.

Или уклоняться от ответов на них.

– Тебе следует сообщить магистру, что ты приехал, Ремон, – резко говорит госпожа Лафонтен.

Раз она назвала сына полным именем, то не стоит с ней спорить. Я бросаю взгляд на его тарелку. На ней не осталось ни крошки – будто вылизал. Без сомнений, он скушал по маминой стряпне.

Реми поднимается на ноги и со стоном потягивается.

– Рад снова видеть тебя, котенок, – говорит он. – Поболтаем позже, ладно?

Ненавижу, когда он называет меня котенком.

– Пока-пока, *Ремон*, – парирую я, жалея, что не придумала более обидного прозвища, чтобы доставать его.

Как только он скрывается за дверью, госпожа Лафонтен поворачивается ко мне с разделочным ножом в руке.

– Тщательно обдумывай, что скажешь венатре сегодня. Мне не нравится, как он выглядит и говорит. Иностранцы не должны совать нос в наши дела.

Странно слышать от нее это, ведь ее муж был родом из Таврии, с другого континента. И хватит одного взгляда на Реми, чтобы понять, что в *ее* дела иностранец вмешивался.

– Приция не так уж и далеко, – возражаю я. – Всего неделя пути.

– Мне не нравятся его глаза, – настаивает она. – Неестественные.

Я усмехаюсь такой суеверности. А затем вспоминаю комментарий Реми и спрашиваю:

– А мои глаза действительно изменились?

– Нет. – Экономка обрушивает на овощи с десяток злобных ударов. – Показалось. – Еще удар. – Просто свет так падает.

Глава 7

Семья Монкюир живет в нескольких кварталах от дома архитектора, но после вчерашней ночи мне не хочется сворачивать с оживленных улиц даже в разгар дня, поэтому я выбираю маршрут через площадь святилища. Хотя участок строительных лесов, который я осматривала прошлой ночью, находится за крылом трансепта и башней, даже здесь слышно, как его разбирают. Нужно будет заскочить чуть позже и зарисовать, что успели сделать рабочие, чтобы изменить это на модели.

И тут я вспоминаю: модели больше нет. Это причиняет мне такую боль, словно кто-то ударил по покрытому синяками животу и пояснице. Но, раз Реми вернулся, возможно, у меня появится время собрать все по кусочкам.

Дверь мне открывает женщина, в которой я узнаю бывшую гувернантку леди Жулианы. Судя по платку на ее волосах и пятну муки на округлой щеке, она теперь работает на кухне – наверное, ждет, что когда-нибудь станет заботиться о детях молодой хозяйки. И если это так, то ждет она уже очень давно. Обронив всего пару слов, она провожает меня на третий этаж. Жулиана что-то пишет, сидя за длинным столом в комнате в самом конце коридора. Стена позади нее украшена деревянной резьбой, которая отполирована так хорошо, что отражает солнечный свет, проникающий через открытое окно. В дальней части комнаты стоит кровать среднего размера и дубовый шкаф, но все равно создается впечатление, что здесь никто не живет.

– Мисс Катрин, – женщина делает паузу, чтобы подчеркнуть, что у меня нет фамилии, – говорит, что пришла по просьбе мастера Симона.

Жулиана откладывает перо и поднимается на ноги с улыбкой. Явно рада меня видеть не только потому, что меня просил прийти Симон.

– Спасибо, мадам Дениз, – говорит она.

Бывшая гувернантка молча делает реверанс и уходит.

Как только мы остаемся одни, Жулиана жестом приглашает меня войти.

– Надеюсь, тебя не смутит, что мы в комнате Симона. Просто это гарантирует хоть какую-то приватность.

– Венатре живет здесь? – Я вновь обвожу взглядом комнату в поисках хоть каких-то признаков этого, но нахожу лишь потертый сундук и стоящий на его крышке бронзовый подсвечник.

Учитывая, что дом графа раза в четыре больше, чем у архитектора, думаю, в нем достаточно спален, чтобы Симон мог поселиться на втором этаже. Интересно, что это говорит о его положении в семье?

– Здесь так... пусто.

Жулиана пожимает плечами.

– Думаю, он привык к более аскетичной жизни. Пожалуйста, присаживайся.

Я вежливо киваю и опускаюсь на скамейку напротив нее, ожидая, пока она займет свое место.

– Симона сейчас нет, – продолжает Жулиана. – Должен скоро вернуться.

Она вытаскивает чистый листок пергамента – не бумаги – из сваленной на столе кучи. Даже архитектор не пользуется бумагой. Это слишком дорого, ее нельзя использовать второй раз, как пергамент. Но сейчас передо мной лежит столько кусков, сколько я не видела за всю свою жизнь.

– Но, если хочешь, я могу записать твои слова прямо сейчас, – предлагает она.

У меня пересыхает во рту. Я пришла пораньше в надежде выведать, что узнал Симон. И не ожидала, что придется отвечать на вопросы графской дочери.

– Хорошо.

– Отлично. – Ее голос звучит так, будто собираемся обсуждать что-то приятное и безобидное, вроде погоды, а не убийство.

– Давай начнем с твоей работы. Ты сказала, что работаешь на архитектора, но при этом ты не его ученица?

– Эм, нет, не совсем, – отвечаю я, складывая руки на коленях.

Одно время я подумывала пойти в ученики к архитектору вместе с Реми, но мне, хоть я и могу с первого взгляда заметить изъяны в несущих конструкциях, с трудом дается математика и недостает усидчивости. Вот почему мое дело – строительные леса. Для них не требуется точных измерений, как для святилища.

– Я его подмастерье, – объясняю я. – И в мои обязанности входит осмотр строительной площадки.

Обмакнув перо в чернила, Жулиана записывает все мои слова, включая «эм» и «нет», а также свои вопросы.

– Этим ты и занималась прошлой ночью?

Я прочищаю горло, чтобы посмотреть, напишет ли она об этом. Написала.

– Да, мы отстали от графика, поэтому я покинула дом, как только взошла луна.

Не упоминая о падении, я рассказываю, как услышала крик, а затем поднялась на крышу святилища, чтобы посмотреть на город.

Несколько секунд перо со скрипом скользит по пергаменту, а затем останавливается, когда Жулиана поднимает голову. Ее зрачки так сильно увеличились, что темно-карая радужка едва видна.

– А потом?

– Я увидела бегущего человека.

Я описываю его так подробно, как только могу, после чего говорю, в каком направлении он скрылся.

– Это был селенаэ?

Этот вопрос застает меня врасплох.

– Ох, не уверена.

Перо скрипит пару секунд, а затем вновь повисает тишина.

– Ты слышала что-то еще?

Кроме бестелесного голоса, убеждающего меня вернуться в дом? Я качаю головой:

– Нет.

Жулиана хмурится – или она так выражает разочарование?

– Прошу, продолжай.

И я рассказываю, как отправилась на поиски и обнаружила тело Перреты. Как выбежала с криком из переулка, как женщина отругала меня за это. Как я подняла тревогу. Я стараюсь упомянуть как можно больше деталей, чтобы не дойти до того, что скрываю. Например, странный шепот и то, каким светлым мне показался переулок, – словно рядом зажгли тысячи свечей.

– Вы видели селенаэ в собравшейся толпе? – спрашивает Жулиана.

– Эм, да? – Несмотря на то что она спрашивала о людях Луны раньше, я настолько удивлена ее вопросом, что отвечаю не задумываясь. Хотя мне бы не хотелось втягивать этого человека в неприятности. – Но он ушел, как только я его заметила.

– Как думаете, он следил за вами? – раздается мужской голос.

Мы поворачиваемся и видим Симона, прислонившегося к косяку со скрещенными на груди руками. Позади него стоит Ламберт, его раскрасневшееся и вспотевшее лицо контрастирует со спокойной бледностью венатре.

– Как долго ты там стоишь? – нахмурившись, спрашивает Жулиана.

– С минуту. Но ты прекрасно справлялась. – Симон переводит взгляд на меня и переспрашивает: – Как думаете, селенаэ следил за вами?

– Откуда? От святилища?

Симон кивает. Его острые скулы на мгновение скрываются за теньями усталости под глазами.

– Почему... почему вы так думаете?

Венатре на несколько секунд поджимает губы, но на лице не отражается ни единой эмоции.

Наконец он кивает Жулиане:

– Найди ей показания Удэна.

Жулиана опускает перо и начинает рыться в куче бумаг, пока Симон и Ламберт заходят в комнату. Достав три листа, она раскладывает их по порядку и протягивает мне. С трудом верится в подобную удачу – мне дадут прочитать то, что рассказал Удэн.

Эти страницы оказываются дословной записью, как и наш с ней разговор. И, даже с учетом нескольких сокращений, я удивляюсь, как ей удалось не отстать. Судя по первым словам, становится понятно, что мне отдали не все: начала допроса здесь нет.

С: А затем?

У: Я отправился искать Перрету.

С: Ходил к ней домой?

У: Конечно. Я не бегаю по улицам, словно собака, вынюхивая ее.

Я стискиваю зубы. Как ужасно звучат эти слова, особенно притом, где оказалась Перрета.

С: Ты нашел ее?

У: Да, но она сказала, что ей необходимо решить один вопрос.

С: Говорила, куда направляется?

У: Нет, но улыбалась так, словно что-то хотела скрыть. Она любила подразнить.

Он не знал, что Перрета ходила к магистру Томасу. Я медленно выдыхаю, старательно сдерживая себя, прекрасно понимая, что Симон наблюдает за мной. Ламберт тяжело опускается на стул у дальнего конца стола.

С: И что ты делал после этого?

У: Вернулся в пивную. Перрета сказала, что придет туда, если все закончится хорошо.

С: Скопью употреблял?

У: Ты хочешь, чтобы меня арестовали за это?

С: Нет, меня это не касается.

Интересно, венатре закроет на это глаза из-за родственных связей или из-за искреннего желания раскрыть убийство Перреты?

У: Ладно, без скопши не обошлось. Мне же нужно было чем-то заняться, чтобы скоротать время.

С: Это была единственная доза за ночь?

У: Да. Что... Ай! Перестань!

С: Слегка запоздалая реакция.

Видимо, Симон щелкнул пальцами или хлопнул в ладоши прямо перед носом Удэна. Городские стражи делают это, чтобы оценить одурманенность людей, которых ловят бродящими по улицам. И, судя по всему, Симон точно знает, как определить это по глазам: он продолжает.

С: Умеренное расширение. Примерно пять часов назад. Если это произошло вскоре после встречи с Перретой, то он в последний раз видел ее...

Ж: За час до полуночи.

Жулиана не пропускает ни единого слова. Даже того, что говорит сама. И я замечаю еще кое-что: даже если Симон не врач, он знает довольно много врачебных методов и терминов. Возможно, весьма начитан, хотя в комнате нет ни единой книги.

С: Спасибо, Жулиана. Что произошло потом?

У: Она так и не пришла в пивную, поэтому я решил пойти домой.

Дурное предчувствие разматывается у меня в животе, как лента с катушки. Самый короткий путь от той пивной проходит через площадь святилища.

С: Ты видел или слышал что-то по пути домой?

У: Ну... Скорее всего, дело в сконии.

С: Судить об этом позволь мне. Что ты видел?

У: Селенаэ. Мужчина стоял в тени. И смотрел на крышу святилища.

Записи Жулианы передают прерывистость речи Удэна и, возможно, страх, а моя тревога только усиливается.

С: Что он делал?

У: Он... Он словно разговаривал с одной из статуй демонов на крыше. И, как только закончил, демон улетел.

Галлюцинации от сконии часто начинаются с того, что человек действительно видит или слышит, а затем превращаются во что-то нереальное. Если Удэн действительно видел селенаэ, то, значит, за мной наблюдали – и следили, – еще когда я находилась у святилища.

Не сомневаюсь, Удэн и правда видел, как я стояла рядом с Пьером. А как только отошла от горгульи, его одурманенный разум истолковал это как взлет статуи... Лента беспокойства в моем животе вспыхнула на одном конце, и огонь быстро расплзся по ее изгибам. Я догадывалась, что прочту дальше.

Следующий вопрос задал Ламберт, о присутствии которого я даже не догадывалась.

Л: Селенаэ что-то говорил?

У: Он сказал: «Иди домой, маленькая кошечка. Не стоит гулять этой ночью».

Глава 8

Я роняю листы и закрываю рот обеими руками, чтобы сдержать крик, который так и рвется из легких.

Невероятно. По-другому и не скажешь.

Ведь на крыше святилища я услышала именно эти слова. И голос селенаэ. Вот только он говорил со мной и позже. Но и первый, и второй разы с трудом поддаются пониманию.

Невероятно.

Симон подходит ко мне, опускает руку на плечо. Не ожидала такого знакомого жеста от незнакомца, но я благодарна ему за успокоение, которое он дарит.

– Жулиана, – говорит он, – не могла бы ты принести немного успокаивающего чая?

– Сию минуту.

Она уходит, но я едва замечаю это.

Пока я молчу, Симон осмеливается заговорить снова.

– Мне очень жаль, мисс Катрин. Не ожидал, что это так напугает вас.

Он считает, будто я испугалась, что за мной наблюдали. И я не стану разубеждать его.

– Вы могли бы описать селенаэ, которого увидели в толпе, или узнать его? – наклоняясь вперед и демонстрируя озабоченность, спрашивает Ламберт.

Да, могла бы. Не думаю, что найдется много людей с такими же шрамами, как у него. Но я сомневаюсь, что у него были злые намерения. На самом деле он пытался защитить меня. Иначе зачем бы просил – да еще дважды – вернуться домой?

«Не стоит гулять этой ночью».

– Я... не уверена, что узнала бы его, – заикаясь, говорю я. – Было очень темно. А я так расстроилась, обнаружив... тело.

Передо мной появляется чашка чая. Исходящий от нее пар наполнен резким запахом корня валерианы и других трав, которые мне не удастся распознать.

– Вкус лучше, чем запах, – добродушно обнадеживает Жулиана.

Чай обжигает язык, но вкус у него определенно цветочный. Я делаю несколько медленных глотков, давая теплу окутать меня. С каждым вдохом кажется, будто тело становится легче, будто вскоре я воспарю в воздух. А голова вот-вот коснется стропил.

– Как вы сейчас себя чувствуете, мисс Катрин? – спрашивает Симон.

– Лучше.

Я улыбаюсь и вновь подношу чашку к губам, но венатре так быстро выхватывает ее, что расплескивает горячий чай себе на пальцы и мне на колени. А затем подносит напиток к носу и принюхивается.

– Всю ночь настаивался? – метнув взгляд на Жулиану, спрашивает он.

Та нервно переплетает тонкие пальцы, и меня поражает, насколько хорошо видны костяшки.

– Я налила из горшочка, – говорит она. – Слишком крепкий?

Симон переводит взгляд на меня.

– Без сомнений. Я никогда не видел настолько быстрой реакции.

– С ней все будет в порядке? – Ламберт вглядывается в мое лицо.

Когда он моргает, короткие пушистые ресницы взметают мелкие пылинки, которые тут же принимаются танцевать в солнечном свете, льющемся из окна.

– Я в порядке, – встречаю я.

Мне даже с трудом удается вспомнить, что меня так взволновало.

Симон хмурится и отставляет чашку в сторону.

– Она выпила не больше четверти, так что вряд ли стоит волноваться. – Он перекидывает ногу через скамейку и садится поперек нее. – Но сомневаюсь, что она сможет долго отвечать на вопросы.

Я хмурюсь от раздражения, пробивающегося сквозь туман спокойствия.

– Пожалуйста, перестаньте говорить так, будто меня здесь нет.

– Прошу меня простить, мисс Катрин, – извиняется Симон.

– Кэт, – хрипло поправляю я.

Язык кажется таким же тяжелым, как камни святилища.

Светлые брови сходятся над переносицей.

– Что?

– Все зовут меня Кэт. – Приходится собирать все силы для каждого слова. – Когда я слышу «мисс Катрин», мне кажется, что вы говорите с кем-то другим.

Уголок рта Симона слегка приподнимается в улыбке.

– Хорошо, Кэт. Может, ты видела или слышала что-то еще прошлой ночью?

Я слышала отчаяние Перреты и слова селенаэ. А еще – видела кровь на стене святилища, в точности такую же, как пятна в переулке. Или оттуда была видна стена переулка? Я трясую головой, чтобы избавиться от этих мыслей.

– Я видела, что сотворили с Перретой, – скрываю я правду за размытой формулировкой.

– С Перретой. – Симон выпрямляется, осознав, как легко ее имя выскользнуло из моих уст. – Ты знала ее раньше?

Ответ вырывается прежде, чем я успеваю себя остановить:

– Она иногда приходила к магистру Томасу.

Ох, не следовало мне этого говорить.

– Не за тем, о чем вы подумали, – спешу добавить я.

Что они добавили в чай? Я прикрываю глаза рукой.

Сосредоточься. Мне нужно объяснить свое признание, не раскрывая того, что может вызвать подозрение.

– Ее отец работал на архитектора много лет назад, но погиб. – Истина – самый легкий путь, поэтому я вступаю на него, выбирая слова так же осторожно, как срезаю розы с колючих кустов. – Магистр Томас хотел убедиться, что она ни в чем не нуждается, но... он уже давно не давал ей денег. – Слезы, навернувшиеся на глаза, настоящие. – Ее смерть так поразила его.

Симон понимающе кивает.

– Могу себе представить. – Он вздыхает и поворачивается к Ламберту. – Кузен, думаю, мисс Кэт пора домой. Можешь проводить ее?

– Конечно.

Я слышу, как Ламберт встает со стула, но все звуки доносятся будто со дна колодца.

– Я вернусь через несколько минут, – говорит он Симону, помогая мне подняться на ноги.

– Не торопись, – Симон зеваает. – Я вряд ли буду сегодня делать что-то еще, очень устал. Ты, наверное, тоже.

Ламберт выводит меня из комнаты и помогает спуститься по лестнице, держа за предплечье затянутой в перчатку рукой. Так мне удается преодолеть два пролета и выйти через парадную дверь, хотя кажется, что мои ноги совершенно не касаются земли. Ощущение, что я парю над Ламбертом, не покидает меня, даже когда мы оказываемся на улице. Но теперь его спокойствие становится моим якорем. Когда впереди показывается святилище, на моем лице расплывается улыбка.

– Красиво, не правда ли? – спрашиваю я.

– Если вам нравятся подобные сооружения, – отвечает он.

– Нравятся, – признаю я. – А знаете, почему за пять лет на стройке не произошло ни одного несчастного случая? А?

– И почему же? – в его голосе слышится веселье.

– Потому что есть я, – торжественно говорю я. – Я ползаю по лесам, выискиваю, где что может сломаться. Для того и наняли.

– А где вы работали до этого?

– В аббатстве Солис.

Ламберт кивает:

– Ах да, Жулиана говорила, что вспомнила вас.

Он ведет меня по тому же пути, по которому я пришла, – наверное, потому, что идти переулками с тяжело опирающейся на твою руку девушкой не очень прилично.

Но мое внимание полностью сосредоточено на святилище, несмотря на яркий солнечный свет, отражающийся от его стен и окон. Оно великолепно. Я никогда не понимала, почему мать Агнес выступала против моей работы, ведь все мои труды – во славу Солнца.

– Настоятельница расстроилась, когда я ушла, – озвучиваю свои мысли, заполняя повисшее молчание. – Раньше мы пили с ней чай раз в неделю, но уже давно не встречались. Я скучаю по ней.

Признание даже для меня становится неожиданностью.

Ведь, на мой взгляд, мать Агнес и виновата в этом.

– Кто-то машет нам рукой, – говорит Ламберт.

Мы выходим на открытую площадь, и я вижу, что к нам бежит Реми с хмурым выражением на лице.

– Это ученик магистра Томаса, – радостно заявляю я.

– Уже нет. Уже подмастерье, помнишь? – Не дожидаясь ответа, он спрашивает: – Что случилось, Кэт?

– Ничего. Ничего такого. Ничегошеньки. – Я начинаю хихикать, хотя и сама не понимаю, почему эти слова такие смешные.

– Она пьяна? – Реми тянет меня к себе, и я натякаюсь на него.

– Нет, нет. – Ламберт качает головой. – Она выпила немного чая, который должен был ее немного успокоить. Вопросы, которые мы задавали о прошлой ночи, оказались не очень приятными.

– И что, во имя Солнечного света, вы добавили в этот чай? – восклицает Реми. – Сконию?

– Не злись, – прошу я, прислоняя голову к его плечу. От него пахнет каменной пылью и потом. Запахом тяжелой работы. – Чай мне дал Симон.

– Он еще ответит за это. – Реми хватает меня под руку. – Я отведу ее домой.

Ламберт смотрит нам вслед – и я посылаю ему воздушный поцелуй на прощание, хотя внутри от этого что-то съеживается.

Глава 9

Я сплю до следующего утра, и за это время Реми успеваешь рассказать магистру Томасу о моем возвращении.

– Чай не должен был на меня так подействовать, – пытаюсь объяснить я.

Почему-то мне хочется оправдаться за произошедшее, хотя, узнай архитектор, что в ту ночь за мной наблюдали, никогда больше не выпустил бы меня на улицу одну.

– Как только они поняли, как на меня действует чай, тут же отобрали чашку. Я сделала всего несколько глотков.

Реми протыкает свою сосиску ножом.

– Не хотелось бы мне повстречать того, кто выпил все, – бормочет он. – Ты едва могла связать пару слов.

– Потому что хотела спать, – огрызаюсь я. – Так что сразу же туда и пошла.

– Знаю, котенок. Я сам отвел тебя. – Реми закатывает глаза, но затем косится на архитектора. – Вернее, проводил до дверей комнаты.

Он никогда не пытался нарушить правило «Не заходить в спальню Кэт».

В ответ на ненавистное «котенок» я скрючиваю пальцы, словно когти, и шиплю на него.

– Хватит, – обрывает меня магистр Томас. – Что ты сказала венатре, Катрин?

– Рассказала, как услышала крик, увидела бегущего мужчину и пошла посмотреть, не нужна ли кому-то помощь, но нашла тело. Больше ничего, магистр.

– И не говорила, что Перрета приходила сюда? – спрашивает архитектор.

От этого вопроса зеленые глаза Реми чуть не лезут на лоб.

Ну, если придираешься к словам, именно этого я не делала.

– Нет, но я призналась, что мы знали ее, что вы иногда давали ей денег. И что уже давно их не давали.

Магистр слегка выпячивает губы – явный признак того, что он недоволен. Реми проглатывает кусок еды и выпаливает:

– Перрета приходила сюда?

– Да, требовала денег, но, услышав отказ, закатила истерику и ушла, – говорит архитектор. – На этом все.

– Закатила истерику? – Реми указывает большим пальцем на дверь мастерской. – Это она?

Магистр устало кивает.

– И молоток она стащила?

Он вздыхает.

– Да, после того как воспользовалась им.

Я удивленно пялюсь на них: и не подозревала, что молоток пропал. Если она взяла его с собой, то мотивом для убийства могло стать ограбление. Вот только на инструменте выгравировано имя архитектора, так что его, скорее всего, переплавят для золочения.

Магистр переводит взгляд на меня, и я вижу в его серых глазах невероятную печаль.

– Венатре кого-нибудь подозревает?

Я киваю.

– Удэн сказал, что видел в ту ночь на площади святилища селенаэ. Думаю, венатре станет искать тех, кто еще его видел.

Магистр Томас с отвращением бросает двузубую вилку на тарелку.

– Ну что за идиот! Это явно приведет к еще одному убийству!

Реми фыркает:

– Это же селенаэ.

– И каковы же дети Ночи? – интересуется архитектор.

– Поклоняются Луне, – бормочет Реми, глядя на остатки сосиски. – Маги и еретики. Магистр Томас подается вперед.

– Что за невежество, Ремон. Они поклоняются Луне не больше, чем мы – Солнцу.

Мало кто утруждается разобраться в теологии, но мать Агнес объясняла нам, что Благословенное Солнце – божественный дар. Мы чтим и восхваляем его в храмах, строя которые стараемся отразить его красоту и выразить нашу благодарность, но оно не бог. И я даже не представляю, как селенаэ могут испытывать что-то подобное по отношению к Луне. Ее свет недостаточно силен и постоянен, чтобы помочь хоть чему-то вырасти.

Даже лунные цветы, которые оплетают стены квартала селенаэ, нуждаются в солнце. Но и они, и мы согласны в одном – за Небесами скрывается нечто большее.

– Если ты не понимаешь нашей религии, – продолжает архитектор, – вряд ли сможешь спроектировать и построить что-то подобное нашему святилищу.

– Обойдусь без ваших лекций! – Реми вскакивает на ноги. – Я не ребенок!

– Так не веди себя как ребенок, – приподняв брови, отвечает магистр.

Реми вылетает из кухни, не сказав больше ни слова. Спустя несколько секунд до нас доносится громкий топот с лестницы: он поднимается в свою комнату на третьем этаже.

Я с удивлением на лице поворачиваюсь к архитектору:

– Что это с ним?

Магистр Томас устало потирает лицо, но тут же отводит руку и морщится из-за порезов на пальцах.

– Не уверен, что смогу доверить ему расширение трансепта через два года.

– Почему? Он же закончил учебу.

– Да, но ему предстоит еще многому научиться. Даже я стал мастером только после того, как мне исполнилось двадцать пять.

Интересно, как воспримет Реми, что после восьми лет учебы и подготовки ему придется ждать еще пять?

– А каким вы были в его годы? – спрашиваю я.

На лице архитектора появляется улыбка, хоть и немного натянутая.

– Высокомерным. Самоуверенным и переполненным грандиозными планами. Неспособным ценить тех, кто меня окружает.

– Что ж, значит, Реми действует точно по плану.

В этот раз магистр Томас усмехается, а затем встает и убирает выбившуюся прядь мне за ухо.

– Сделай мне одолжение, направь все силы на восстановление модели.

– Это займет несколько недель...

...Потому что я потрачу не меньше пары дней, чтобы просто разобрать все осколки.

Архитектор склоняется ниже, чтобы заглянуть мне в глаза.

– И поменьше общайся с венатре. Дело не только в валериановом чае. Не сболтнуть бы что-то лишнее, – говорит он. – Ты рассказала все, что знала. Большого ему знать не следует.

Я киваю, но не потому, что согласна, а чтобы показать: я услышала. И магистр уходит.

* * *

К тому моменту, как Реми появляется в мастерской, чтобы пройти в святилище, я успеваю собрать почти все куски, которые больше ни на что не годятся, в ведро, и разделить оставшиеся каменные блоки на несколько куч в зависимости от размера. Основание модели пока не трогаю. Прежде чем начать что-то строить, надо отремонтировать подставку.

Окно, ведущее на улицу, открыто, чтобы проникало больше воздуха и света, поэтому все утро в него заглядывают люди. Я не обращаю на них внимания. Но ближе к полудню, когда я соскабливаю раствор с блоков, расположившись в центре комнаты, свет опять заслоняет какая-то фигура. И что-то подталкивает меня поднять глаза.

Это Симон из Мезануса.

– Как вы себя сегодня чувствуете, мисс Катрин? – осторожно спрашивает он.

– Довольно неплохо, сэр. Но я проспала больше двенадцати часов.

На его лице застыло такое выражение, какое бывает у детей, которые ждут, что их отругают. Мне приходится опустить голову, чтобы скрыть улыбку.

– Я не ожидал, что чай окажется таким крепким, – прочистив горло, говорит он. – Простите.

– Извинения приняты. – Я поднимаю глаза. – Но, насколько мне помнится, я просила называть меня Кэт. Как все называют.

Кроме матушки Агнес. И Реми.

– На самом деле я пришел сюда именно поэтому, – говорит Симон. – Я могу войти?

Я киваю на двери не только потому, что нельзя отказывать венатре, но и из любопытства.

– Не заперто.

Толкнув дверь, Симон заходит внутрь и внимательно осматривает погром.

– Что произошло?

– Здесь была модель святилища. – Я встаю и смахиваю пыль с рук. – Ножки стола с одной стороны подогнулись и, ну...

Я пожимаю плечами. Еще одна полуправда. Перрета выбила одну ножку и сломала вторую.

Симон рассматривает крошечные осколки цветного стекла, которые разложил архитектор.

– Наверное, она выглядела великолепно.

Я указываю на год, выбитый на основании модели.

– Такая же старая, как святилище. И мы обозначали на ней каждое изменение.

Симон поднимает связку веток и камыша из кучи.

– Даже строительные леса?

– Даже их. Это очень удобно, если требуется что-то уточнить. – Я дожидаюсь, пока он положит ветки обратно. – Так зачем вы пришли?

Сцепив руки за спиной, венатре обходит сломанный стол.

– Вчера, когда ты ушла, что-то еще долго не давало мне покоя. Но я так устал, что не стал разбираться. Хорошенько выспался, пересмотрел записи Жулианы и, наконец, понял. – Симон доходит до дальнего конца комнаты и поворачивается ко мне. – Тебя зовут Кэт.

– И? – Я вытираю вспотевшие ладони о рабочий фартук.

– «Иди домой, маленькая кошечка²», – цитирует Симон. – Селенаэ разговаривал с тобой. – Не дождавшись от меня ответа, он делает пару шагов в мою сторону. – И ты это поняла. Вот что тебя так взволновало.

У Симона угловатые черты лица, разве что нос округлый и вздернутый. Это придает венатре мальчишеский вид, каким бы серьезным он ни старался казаться.

– Разве это имеет значение? – спрашиваю я, а затем решаюсь на первую ложь: – Я его не слышала.

– Но это означает, что селенаэ наблюдал и, скорее всего, следил за тобой. А это очень интересно.

² Cat – с англ. «кот, кошка».

Мне снова становится не по себе. Я все еще считаю, что тот человек не сделал ничего плохого, да и магистру Томасу не понравилось, что венатре хочет отыскать его.

– Извините, но я не смогла толком его разглядеть.

Симон вздыхает, словно догадывается, что я что-то скрываю.

– Но ты начнешь проверять, не следит ли за тобой кто-нибудь? И как-то обезопасишь себя?

Я киваю, прежде чем он начнет перечислять, как именно мне это сделать.

– Конечно.

– Хорошо. – Симон прочищает горло. – Но мне бы еще хотелось обсудить то, что ты видела и слышала.

Я опускаю взгляд на грудь камушков у левой ноги.

– Я уже все рассказала леди Жулиане.

– Знаю, – говорит венатре. – Но есть несколько нестыковок.

Я с тревогой смотрю на него, но он тут же вскидывает руку в успокаивающем жесте.

– Я хотел сказать, что есть моменты, которые мне не совсем понятны, и, думаю, ты сможешь мне их объяснить. Вот и все. Я ни в чем тебя не подозреваю.

И поменьше общайся с венатре. Не сболтнуть бы что-то лишнее.

Я прикусываю нижнюю губу.

– Что от меня требуется?

Не встретив явного сопротивления, Симон слегка расслабляется.

– Я бы хотел, чтобы ты помогла мне расспросить людей, живущих по соседству. – Он замолкает на мгновение. – Ты не чужая в Коллисе. И люди станут охотнее разговаривать с тобой. Поэтому я хочу, чтобы ты помогла мне получше понять, что же ты увидела прошлой ночью.

Краем глаза я замечаю в дверях кухни госпожу Лафонтен. Судя по ее нахмуренному лбу, она слышала весь разговор.

Мне хочется помочь Симону, хоть это и рискованно. Кажется, он искренне заботится и о Перрете, и о том, чтобы отыскать виновного.

Магистр Томас не убивал ее, так что правда не сможет причинить ему вреда. И если я буду знать, о чем думает венатре, то смогу отвлечь его внимание от архитектора.

– Я согласна.

Глава 10

– Где сегодня Ламберт и леди Жулиана? – спрашиваю я у Симона, когда мы огибаем площадь святилища. – Разве они не помогают вам?

– Они по уши в делах из-за подготовки к свадьбе. Ламберт недавно обручился с леди Женевьевой Д’Экре. – Симон проводит рукой по светлым кудрям, а затем засовывает большой палец в карман туники. – Планируется грандиозный праздник.

Вот почему во время экскурсии по святилищу граф так беспокоился, успеют ли закончить сводчатый потолок в дополнительном крыле.

– А какая роль отведена вам?

– Самая простая. Оденусь понаряднее и буду стоять там, где мне укажут.

На лице Симона появляется неуверенная улыбка, словно он давно не улыбался и сомневается, правильно ли это делает.

Однако он все еще венатре, и лучше перевести разговор на него.

– Как вы связаны с Монкюирами? – спрашиваю я.

– Тетка по матери вышла замуж за младшего брата графа. – От этого заявления Симон слегка горбится, а затем пинает камушек размером с маленькую сливу, который улетает в тележку со сладостями, стоящую неподалеку. – Да, нас нельзя назвать близкими родственниками. Но они – единственная семья, которая у меня осталась. – На его лице вновь появляется неловкая улыбка, словно он так и не вспомнил, как улыбаются. – Я приехал в Коллис прошлой зимой, надеясь, что здесь мне помогут стать учеником мастера или найти работу, но... – Симон сжимает губы. – У них возникли другие идеи.

Значит, он не врач. Я украдкой смотрю на руки Симона, выискивая любые намеки на то, чем он занимался прежде, но его ладони – совершенно гладкие, а на пальцах нет ни единой мозоли.

– И у какого мастера вы бы хотели учиться?

Он пожимает плечами, вернее, одним плечом.

– У любого, кто бы взял. У меня ни опыта, ни умений.

Его слова настолько шокируют меня, что я тарашусь на него.

– Не слишком ли вы староваты, чтобы начинать с нуля?

– Староват? – Симон приподнимает бровь. – Да, большинство поступает в ученики до восемнадцати, но я бы не сказал, что *староват*.

– Восемнадцать? – Я перевожу взгляд вперед, чтобы скрыть румянец, который разливается по щекам. – Мне казалось, что вы ровесник Жулианы.

– Мне уже девятнадцать, – отвечает он. – Но, учитывая выпавшую мне роль... Надеюсь, остальные будут думать так же, как ты.

Путь молитвы уже виден впереди, но надо еще пересечь половину площади. Симон прочищает горло:

– А твоя семья?

В груди образуется пустота.

– Вы о какой? В которой я родилась, которая меня вырастила или частью которой я стала?

– О, вижу, у нас есть кое-что общее, – с усмешкой говорит Симон. – Я буду рад узнать о любой из них.

От его сочувствия что-то рвется в груди.

– Меня оставили сестрам Света, когда мне была едва ли пара дней от роду. Настоятельница считает своей задачей обучить любую девочку, которая попадется, поэтому я получила образование, но в двенадцать лет ушла из аббатства и начала работать у архитектора.

– Чтобы лазить по строительным лесам...

Я сама рассказала это Жулиане и Ламберту, так что откуда знает Симон – не вопрос. Но я все же киваю, и продолжаю:

– Сначала я делала только это, но теперь помогаю ему и с другими обязанностями.

Лишь когда мы доходим до трансепта, Симон решает продолжить разговор. Ему приходится повысить голос, чтобы перекрыть шум стройки.

– И поэтому он стал твоей семьей.

– Да, он и экономка. И Реми.

– Что за Реми?

– Ученик магистра Томаса. Вернее, уже подмастерье. Он несколько дней назад сдал экзамены в Лютеции у другого мастера, – объясняю я. – А еще он – сын экономки. Госпожа Лафонтен осталась без дома после смерти мужа, поэтому с радостью согласилась работать и жить у архитектора.

– А, – понимающе протягивает Симон. – Так вот что это за женщина. Она стала тебе матерью?

Я пожимаю плечами:

– Мы ладим.

Госпожа Лафонтен заботится о том, чтобы я хорошо ела и выглядела прилично. А вот с матушкой Агнес мы постоянно ссорились, хотя в каком-то смысле ее злость показывала, что она переживает обо мне.

Поэтому ее ложь кажется более ужасной.

Добравшись до конца площади, мы сворачиваем на Путь молитвы. Шум тут же стихает, но Симон не спешит продолжить беседу. Я рада: никак не ожидала, что он спросит о моих родителях. Много лет назад настоятельница сказала, что даже не представляет, кто они. И это оказалось ее первой ложью.

Лишь через минуту я понимаю, что Симон тоже не говорит о матери или об отце.

Впереди уже показался стражник, сидящий на бочке у входа в переулок и ковыряющий ногти ножичком. Когда неподалеку останавливается прохожий, чтобы заглянуть в переулок, блюститель порядка поднимает голову и велит ему двигаться дальше. Вот тебе и наблюдение за любопытными... Когда мы приближаемся, стражник с вызывающим выражением на лице поворачивается к Симону.

– Сомневаюсь, что он понимает, кто вы, – бормочу я.

Выпрямив спину, Симон подходит к мужчине.

– Я венатре, назначенный градоначальником. – Слово «венатре» легко слетает с губ Симона, но, скорее всего, дело в том, что он увидел в этом какую-то пользу. – Заметили ли вы что-то, о чем бы хотели сообщить?

Мужчина вскакивает на ноги и прижимает алебарду к боку.

– Нет, сэр! – почтительно отвечает он. – Никто не пытался пройти мимо меня или других стражей.

То, с какой готовностью он признает авторитет Симона, скорее всего, объясняется полученным описанием. Ведь его левый глаз – довольно заметный признак.

Симон раздраженно вздыхает:

– Конечно нет, я даже не сомневался в этом. Мне нужно кое-что выяснить, поэтому на ближайший час вы свободны.

– Спасибо, сэр.

Стражник спешит прочь, стараясь использовать внезапно возникший перерыв насколько можно.

– Так с чего мы начнем, венатре? – интересуюсь я.

Симон хмурится:

– Давай начнем с того, что ты больше никогда не станешь называть меня так.

Я знала, что он чувствует себя неловко, когда его так называют, но сейчас поняла, что ему это ненавистно.

– Простите, мистер Симон.

– *Симон*. Просто Симон. – Он качает головой. – Белый Свет, мы ведь ровесники.

– Я на два года моложе, – поправляю его я.

Он моргает.

– Ты серьезно? – Он внезапно краснеет и отводит взгляд. – Не такая уж и большая разница. И я буду звать тебя Кэт, только если ты будешь звать меня Симоном, договорились?

– Договорились. Так с чего мы начнем, Симон?

Он осматривается по сторонам:

– С женщины, которую ты увидела после того, как обнаружила тело. Где ты была?

Я подхожу к бочонку:

– Вот здесь.

Симон встает рядом со мной и смотрит на улицу.

– Из какого окна выглянула женщина?

– Из этого. – Я указываю на шестой по счету дом от нас. – Тот, на котором починили, но еще не покрасили раму.

Нахмурившись, он косится на окно.

– Ты рассмотрела это ночью?

Кончики пальцев начинает покалывать от беспокойства.

– Луна светила очень ярко.

– Хорошо. Начинаем.

Я следую за Симоном к двери под окном. Открывшая нам на стук женщина прижимает к плечу младенца. Похожа на ту, что я видела в ночь убийства Перреты.

– Добрый день, мадам, – начинает Симон. Брови хозяйки поднимаются почти до пропитанной потом шапочки на голове. – Я расследую убийство, произошедшее две ночи назад. И мне необходимо знать: вы что-нибудь видели или слышали?

– Я ничего не слышала, пока все не начали выходить на улицы, – отвечает женщина и отступает, чтобы закрыть двери.

– Подождите! – выпаливаю я. – А как же женщина с ребенком на втором этаже? – Не обращая внимания на озадаченный взгляд Симона, я продолжаю: – Одна из ваших соседок сказала – она накричала на кого-то за то, что разбудили ее ребенка.

– Подождите, – фыркнув, заявляет женщина и закрывает дверь.

Симон хмурится:

– Ты видела не ее? Увидев ребенка, я предположил, что это она.

Я разглядываю деревянную дверь, чтобы не смотреть ему в глаза.

– У той были голубые глаза.

– Ты увидела это с такого расстояния? – Симон бросает взгляд в сторону переулка. – Если бы стражник не ушел, сомневаюсь, что мне бы удалось отсюда рассмотреть цвет его глаз, хотя сейчас совсем светло.

К счастью, в этот момент дверь открывается вновь. На порог выходит женщина, очень похожая на первую и примерно того же возраста. Скорее всего, они сестры.

– Чего вы хотите? – спрашивает она.

– Только услышать пару ответов, – дружелюбно говорит Симон. – Просто нам сказали, что вы видели кого-то на улице в ночь...

– Убийства? – заканчивает она.

Симон кивает.

– Да, видела. Я высунулась из окна, – она указывает наверх, а затем в сторону переулка, – и увидела, как парень гадит вон там.

– Как долго вы не спали к тому времени? – спрашивает он.

– Я вообще не смыкала глаз из-за дочки. И только наконец усыпила ее, как этот идиот заорал и разбудил. – Она пожимает плечами. – Чуть позже я подумала, что он, скорее всего, наткнулся на ту девушку, но зачем это вам? Я больше ничего не видела.

От этих слов тошнота скручивает желудок, но Симон не сдаётся.

– А до этого? Вы что-то слышали?

– Нет. – Женщина начинает закрывать дверь.

– Подождите! – Я протягиваю руку, чтобы остановить ее. – Неужели вы не слышали, как кричала женщина? Прошу вас, мы просто пытаемся выяснить, в какое время ее убили.

– Нет. – Она смотрит на меня, слегка сужив глаза. – Ночью было тихо. Тише, чем обычно, даже несмотря на грозу.

Неужели крик Перретты слышала только я?

– Может, ребенок громко плакал?

Качая головой, женщина отступает назад.

– Нет, большую часть вечера она провисела на груди. Это единственное, что помогает ей уснуть. Просто той ночью она засыпала дольше, чем обычно.

Я вновь толкаю дверь, не давая ее закрыть:

– Прошу...

– Кэт, – негромко окликает Симон. – Она ничего не слышала.

И дверь захлопывается у меня перед носом.

Глава 11

– Не понимаю, – шепчу я.

Симон внимательно смотрит на меня:

– Ты о том, почему ее слышала только ты?

Оцепенело кивнув, я отхожу от двери.

– Этому можно найти несколько объяснений, – говорит он. – Во-первых, женщина может лгать. Она призналась, что кричала на тебя, только после того, как мы заявили, что ее слышали другие.

Я качаю головой:

– Но почему? Разве ей не хочется, чтобы преступление раскрыли?

Симон жестом приглашает меня вернуться к переулку.

– Она сомневается, что мы его раскроем. Поэтому считает, что чем меньше ее трогают, тем лучше. Особенно учитывая то, что в этом замешан сын градоначальника.

Интересно, считает ли Симон расследование столь же безнадежным? Мы обходим остальные дома, но никто не признается, что слышал хоть что-то до того, как я закричала, а женщина обругала меня. Подобные склоки – обычное дело в этом районе, поэтому никто не удосужился поинтересоваться, в чем же дело, пока не появились стражники.

– Почему никто ничего не слышал? – спрашиваю я Симона, когда мы приближаемся к последнему дому в пределах видимости переулка. – Ты сказал, что объяснений несколько...

– Возможно, акустика здесь такова, что стены не дают распространиться звуку на улицы, и он поднимается вверх. – Симон замолкает на мгновение. – Ты понимаешь, о чем я?

– Конечно, – отвечаю я, ощущая снисходительное отношение. – Акустика играет важную роль при проектировании святыни.

Я не смогла бы сделать подробные расчеты, но зато понимаю суть. Именно углы и изгибы стен отвечают за то, чтобы голос священников у алтаря разносился по всему зданию. Здесь я отметила тот же эффект, когда подслушивала разговор с Жулианой с крыши, но не рассказываю об этом. Кстати, раз Симон знает об акустике и понимает язык врачей, образован он не хуже Реми, а то и лучше.

Поняв, что последнюю дверь нам так никто и не откроет, мы возвращаемся в переулок.

– Давай начнем с самого начала, – говорит Симон. – Что ты увидела, когда заглянула сюда той ночью?

И тут мой взгляд натывается на пару серебристых глаз, подведенных тушью, на другой стороне улицы. Я замираю – но они исчезают прежде, чем мне удастся осознать увиденное.

– Катрин.

Лицо Симона так близко, что изъясн в его глазу выделяется так же сильно, как темный сучок на дубовой доске.

– Что? – вздрогнув, говорю я.

– Что-то не так?

Человек пропал... если он мне не привиделся.

– Нет, ничего, – быстро отвечаю я.

У Симона такое лицо, что сразу понятно: он не особо верит моим словам.

– Что ж, ладно. – Он указывает на переулок. – Что ты видела той ночью?

– Темноту, – просто отвечаю я.

– И все равно пошла туда?

– Да... – Я замолкаю на мгновение, чтобы воскресить в памяти тот момент. – Лунный свет освещал стену, и я заметила грязные следы, тянущиеся к выходу из переулка. А в нос ударил сильный запах крови.

Симон приподнимает бровь, глядя на меня.

– И ты все равно пошла в переулок? – медленно повторяет он.

Я ощетиливаюсь:

– Сомневаешься, что я говорю правду?

– Сомневаюсь в твоём здравомыслии, – проходя в переулок, бормочет он.

Я осторожно слеую за ним, вспоминая ощущение удушья, которое охватило меня, стоило сделать пару шагов в темноте.

Симон останавливается у пятен крови на стене, размытых сильным дождем.

– Их ты увидела первыми?

Меня охватывает дрожь. Я сначала увидела пятна не здесь, а на стене святилища.

– Да. Луна светила прямо на них.

– А затем?

– Затем... – Я колеблюсь, вспоминая, как меня охватило желание узнать, совпадает ли ощущение в моих видениях с реальностью. – Мне показалось, что эти полосы похожи на следы пальцев, поэтому я протянула руку, чтобы дотронуться до них.

Вот что вылетело у меня из головы: я потянулась к стене.

И, как только мои пальцы коснулись шершавой поверхности, освещенной лунным светом, внезапно увидела все. Не просто увидела, но и *услышала* звуки и запахи, которые вдруг стали невероятно интенсивными. Даже смогла *прочитать* мысли Перреты, словно они повисли в воздухе вместе с ароматом ее духов... и крови. Хотя до этого ничего подобного не ощущала.

Я услышала крики Перреты, увидела ее кровь на стене, словно свою, почувствовала, как пальцы скользят по шершавой стене, услышала ясный голос селенаэ, увидела лицо женщины в окне – все это происходило при лунном свете.

Это луна. Она что-то сделала со мной.

Я понимаю, что замерла с протянутой рукой, как и той ночью.

Симон осторожно кладет ладонь мне на локоть, и я невольно вздрагиваю. В складках его лба читается сожаление.

– Именно в тот момент ты увидела ее? – спрашивает он.

Я с трудом сглатываю.

– Да.

– Много ли ты увидела?

– Все.

Я опускаю руку, прижимая ее к боку. А когда сожаление на лице Симона сменяется недоумением, хватаюсь за первое, что приходит в голову.

– В небе сверкнула молния. И осветила переулок на несколько мгновений.

– А-а, – Симон понимающе кивает.

Вот только переулок освещался дольше пары секунд, да и гроза к тому моменту еще не добралась до города. И никакая молния не объяснила бы того, что я *услышала*.

Всему виной магия. Другого объяснения нет.

– На самом деле очень легко восстановить то, что произошло. – Симон подходит к стене и поднимает руки так, словно собирается схватить невидимого человека. – Можно с уверенностью сказать: он перерезал ей горло сзади. Ничего не помешало крови, когда она брызнула в стороны. – Сжав одну руку в кулак, Симон проводит ею поперек воображаемого горла, слева направо. – Закричала Перрета, скорее всего, перед этим, – тихо продолжает он. – Потому что после этого она вряд ли вообще смогла бы кричать.

Симон прав, осознаю я с невероятной уверенностью, и это настолько шокирует меня, что по телу расползается дрожь.

– Но она продолжала бороться, – шепчу я.

Именно это он сказал Жулиане в ту ночь. Но не стану же я признаваться!

– Да. И, скорее всего, именно поэтому он несколько раз ударил ее ножом. – Симон опускает кулак к животу («абдоминальная область», вряд ли я забуду...) и несколько раз замахивается невидимым ножом, а затем указывает на стену почти у самой земли. – Скорее всего, убийца запаниковал. Но это объясняет, откуда там кровь.

Я снова понимаю, что он прав, но не могу сказать об этом.

Попытившись, Симон приседает на корточки и скрещивает руки, словно тянет что-то тяжелое.

– А потом он притащил ее сюда. – Венатре останавливается у темного пятна на утрамбованной земле и выпрямляется. – Но зачем? – Уголки его рта опускаются, а взгляд устремляется вдаль, словно он пытается вписать эту деталь в какую-то видимую только ему картину. – Ведь там было достаточно места для того, что он хотел сделать. На самом деле здесь его намного меньше.

И я понимаю, в чем дело.

– Он перетащил ее в пятно лунного света.

Симон поворачивается ко мне, а его рот слегка приоткрывается.

– Верно. Хотел рассмотреть, что сотворил. – Его голос опускается до шепота. – Но она тоже смогла его разглядеть, и убийце это не понравилось.

Из всего сказанного Симоном больше всего пугали именно последние слова.

– Ты же говорил, что она была мертва, когда он выколол ей глаза, – выпаливаю я и тут же понимаю, как облажалась.

Ведь он не знает, что я слышала их разговор с Жулианой над телом.

Но Симон, кажется, этого не замечает.

– Так и было. – Симон поднимает руку к подбородку и потирает челюсть, отчего сухожилия на его запястье заметно напрягаются. – А еще он разбил ей лицо чем-то тяжелым, но я не понимаю чем.

Солнце и Небеса, молотком!

Перрета забрала молоток архитектора, им и воспользовался убийца. Когда инструмент найдут, подозрение тут же падет на магистра Томаса. Я отступаю назад и осматриваюсь по сторонам, пытаюсь разглядеть золотой блеск в грязи. Хотя... скорее всего, уже нашли бы.

– Кэт? Все в порядке?

Наверное, он решил, что я сейчас упаду в обморок. И, возможно, это недалеко от истины – при том, как у меня закружилась голова. Когда мои колени подгибаются, Симон одной рукой обхватывает мне талию, а второй обнимает за плечи, чтобы то ли вытащить, то ли вынести меня из переулка.

В нашу сторону тут же поворачиваются лица с подведенными тушью глазами. Или там один человек, а у меня просто двоится в глазах? Я моргаю, но лицо – или лица – исчезают. А в следующий момент Симон разворачивает меня и усаживает на стоящую поблизости бочку.

– Катрин? – зовет он, прижав ладонь к моей щеке, чтобы я не поднимала головы.

– *Кэт*, – поморщившись, поправляю я.

– Означает ли это, что ты не теряла сознания?

Я не могу рассказать Симону, что выбило меня из колеи, но и не хочу, чтобы он считал меня слабой.

– Я в порядке.

– По виду не скажешь, – возражает Симон, но все же выпрямляется и убирает руки, лишая меня поддержки. – Прости. Я так увлекся, что забыл, насколько... насколько ужасно это звучит.

Раз уж он решил, что мне поплохело из-за этого, не стану его переубеждать.

– Почему люди так поступают с другими?

Мне кажется, что на этот вопрос нет ответа, но Симон даже не раздумывает:

– Чаще всего ими руководит ярость. Перрета разозлила убийцу, но не она была его целью. Он не может добраться до женщины, которой хочет причинить боль. Или боится той женщины. Мне хочется спросить, как Симон это понял, но с губ срывается более важный вопрос: – А что, если убийство Перреты не удовлетворило его жажду мести? Симон качает головой: – Значит, это только начало.

* * *

Мы возвращаемся в дом архитектора, не говоря друг другу ни слова. Но с каждым шагом слова Симона пробирают меня до костей.

Это только начало.

Мысли переключаются на то, что я услышала и увидела в ту ночь, а также на связь случившегося с лунным светом. И чем больше мы отдаляемся от переулка, тем более странным это кажется.

Когда мы подходим к дому магистра, Симон склоняет голову.

– Спасибо за помощь, мисс... Кэт. Еще раз прошу простить меня за причиненные неудобства.

– Подожди. – Я хватаю его за руку, не давая уйти. – Ты уверен, что не ошибся насчет убийцы? Это действительно может повториться?

Симон кивает, а в его глазах виднеется мудрость и усталость, не свойственная девятнадцатилетним.

– Да. И следующее убийство будет более жестоким.

Мне трудно подобное представить, но почему-то я не сомневаюсь в его словах.

– И когда оно произойдет?

– Сегодня ночью, на следующей неделе, в следующем месяце... – Симон устало пожимает плечами. – А может и в следующем году. Или в другом городе. Возможно, – он прикусывает нижнюю губу, – возможно, это не первое его убийство.

– И как его отыскать? Поймать с поличным?

Симон тяжело вздыхает:

– Только если нам повезет или я смогу предугадать его следующий шаг. К сожалению, это трудно сделать после одного убийства. – Он потирает лоб. – И я плохо знаю этот город.

– У архитектора есть карты Коллиса. Я могу принести их завтра, – предлагаю я. – И буду рада помогать в расследовании дальше.

На лице Симона появляется печальная улыбка.

– Ты уверена, что у тебя хватит духу?

Мной движет не только желание защитить магистра Томаса. И я стараюсь выразить это словами.

– Я чувствую себя так... словно должна была отыскать Перрету. Потому что только я могла услышать ее.

Симон вздыхает:

– Хорошо. Буду признателен за карты. Приноси их послезавтра утром.

Я поднимаю глаза. И замечаю в изгибе его рта прежнее дружелюбие. Интересно, это из-за возможности провести еще один день в моей компании?

– А почему не завтра?

Его лицо тут же мрачнеет.

– Жулиана слишком устанет. Плохо себя чувствует.

Неудивительно, что он хочет продолжить расследование вместе с ней. Она вела практически все его заметки. К тому же завтра День Солнца.

– Надеюсь, она быстро поправится.

Симон открывает рот, чтобы ответить, но, судя по всему, решает сдержаться. И вместо этого склоняет голову в вежливом поклоне.

– С нетерпением буду ждать новой встречи с тобой.

Я провожаю его взглядом. Ведь, несмотря на весь кошмар произошедшего, я тоже буду с нетерпением ждать.

* * *

– Твое вмешательство не доведет до добра. – Госпожа Лафонтен с грохотом ставит передо мной тарелку с ужином.

– Я не вмешиваюсь, – оправдываюсь я. – Венатре сам попросил меня помочь.

– А затем ты предложила помочь ему и дальше?

Экономка поливает соусом кусочки мяса на наших тарелках. Сначала – у Реми, который сердито смотрит на меня с тех пор, как вернулся домой.

Магистр Томас молчит, но он всегда обдумывает, какую сторону занять, поэтому я и обращаюсь к нему. Ведь, по сути, он главный авторитет в этом доме.

– Просто показала ему, где находилась и что видела той ночью.

– Ты отвела его на Дорогу удовольствий, – ворчит Реми. – И что же ты предложила там венатре?

Я пристально смотрю на него. Судя по всему, он увидел, как мы шли через площадь, но мне не хочется верить, что он действительно *так* думает.

– Именно там произошло убийство.

– Значит, ты была там той ночью.

– Я была в святилище, – выдавливаю я. – Мне пришлось проверять леса ночью, потому что весь день я выполняла твою работу, пока ты плелся из Лютеции, мило проводя время по пути.

Реми ударяет кулаком по столу.

– Я заслужил право распоряжаться своим временем! И больше не должен бежать по первому зову кого-либо.

– Должен, если этот кто-то платит тебе жалованье! – кричу я в ответ.

– Замолчите оба, – тихо говорит архитектор.

Мы с Реми тут же закрываем рты и с раскаянием смотрим на магистра Томаса.

– Реми, ты прав: твоё время принадлежит лишь тебе. После стольких лет напряженной работы ты имеешь право потратить день или два, чтобы отпраздновать свои достижения. Ведь ими действительно стоит гордиться.

Реми ухмыляется. Мне хочется показать ему язык, но, пока не дошло до нелепых обвинений, меня не волновало, поздно ли он возвращался. Солнце знает, что ему не помешало бы немного расслабиться.

– Но... – магистр Томас замолкает на мгновение и строго смотрит на нас, – ...даже твоё продвижение по службе не дает тебе права указывать Катрин, что ей делать и с кем общаться. Она моя помощница, а не твоя. Поэтому ты должен извиниться за эти отвратительные намеки.

Теперь моя очередь ухмыльнуться. Реми вжимает голову в плечи и бормочет себе в тарелку что-то вроде «прости».

Но архитектор еще не закончил.

– Более того, ты не будешь так говорить о ней с другими. Если до меня дойдут подобные слухи и я узнаю, что их распустил ты, больше тебя никто не возьмет на работу в Коллисе. Даже убирать бычий навоз.

Уши Реми становятся краснее вина. А госпожа Лафонтен сжимает челюсти так же крепко, как ложку в руке, прежде чем отвернуться и поставить опустевшую кастрюлю. Сомневаюсь, что она решила бы остаться, если бы ее сыну пришлось уйти. Так что это двойная угроза.

Внимание магистра Томаса вновь сосредотачивается на мне.

– Кэт, я согласен, что сегодня твоя помощь была необходима, но чем еще ты можешь помочь венатре?

Думаю, его интересует, помню ли я о предупреждении. Вот только он не знает, что меня беспокоит его пропавший молоток.

– Симон считает, что возможно еще одно убийство, – отвечаю я.

Реми фыркает, но непонятно, из-за мнения венатре или из-за того, что я назвала его по имени.

– Он говорит – возможно, Перрета не первая жертва.

Архитектор поднимает бровь:

– Откуда *Симон* знает это? – Очевидно, ему не нравится, что я называю венатре так.

– Он разгадал, о чем думал и что чувствовал убийца, а еще – почему он так поступил с телом, – объясняю я. – Не представляю как, но он это понял.

– Может, потому, что он и есть убийца, – бормочет Реми.

– Венатре нужны карты города, – продолжаю я. – И я пообещала принести ему ваши старые экземпляры. Леди Жулиана и Ламберт Монкюиры тоже помогают ему. – И в качестве последнего аргумента я добавляю: – К тому же моя помощь потребуется не каждый день.

Смотря в свою тарелку, архитектор вздыхает:

– Ты тоже много работала, особенно последние несколько недель, и заслуживаешь небольшого отдыха. Можешь продолжать помогать венатре, пока строители не переберут часть лесов, на которые ты указала. Перрета заслуживает справедливости, и если мы можем помочь, то должны сделать это.

Я с готовностью киваю, но магистр Томас еще не закончил.

– Но у меня одно условие: ты должна возобновить свои еженедельные визиты к матери Агнес. Ей не так долго осталось ходить под Солнцем, и, по каким бы причинам ты на нее ни злилась, стоит закрыть на них глаза. Она заслуживает это после всего, что сделала для тебя.

– Да, магистр, – смиренно соглашаюсь я. – Спасибо.

Он одобрительно кивает и поворачивается к Реми:

– А сейчас, Ремон, расскажи, пожалуйста, о новом проекте, который ты предложил.

Ничто так не поднимает настроение Реми, как разговор о потолках. Но я почти не слушаю.

Как бы меня ни раздражала идея отправиться к настоятельнице, я уже и так решила сделать это завтра. Мало кто путешествовал больше, чем матушка Агнес. Если кто-то и сможет рассказать мне о родине Симона из Мезануса, то только она.

Глава 12

Я шагаю по залитой солнцем улице, неосознанно подстраивая шаг под ритм песни сестер Света, которая доносится из сада за восточной стеной монастыря. Их пение вместе с ароматом перекопанной земли и свежесрезанного розмарина пробуждает сотни горько-сладких воспоминаний. Я провожу пальцами по ровному слою цемента, скрепляющего каменные блоки. Даже осознавая, что благодаря этим стенам девочки вроде меня получали безопасность и защиту, я ненавидела их.

Один из блоков выступает чуть сильнее, чем остальные. А где-то рядом есть углубление размером с кулак.

Не раз эта скрытая лестница позволяла мне возвращаться в аббатство, минуя ворота.

В последний раз я взбиралась здесь, когда магистр Томас проследил за мной, увидев, с какой легкостью мне удалось залезть на крышу трехэтажного дома, спасаясь от уличной банды. Я испугалась, что вляпалась в неприятности, решила, что те карманники обворовали его, но вместо этого архитектор спросил у матери Агнес, можно ли нанять меня.

А еще где-то по другую сторону стены, за сараем, с тех пор зарыт толстый кошель с монетами.

Я не знала, кто его истинный владелец, – сама стащила у карманников, поэтому и не чувствовала вины за то, что присвоила монеты себе. Я сохранила их на тот случай, когда решу покинуть монастырь. Конечно, благодаря работе на архитектора в них отпала необходимость, но все же приятно осознавать, что у меня есть заначка на черный день.

Добравшись до угла, я сворачиваю направо. Главные ворота монастыря – на южной стороне. И это неспроста: южная стена больше всего освещается солнцем. Через дорогу – северная часть стены, окружающая квартал селенаэ. Я часто задавалась вопросом: что возникло раньше? Люди Ночи выбрали окраину Коллиса, несмотря на стоящее здесь аббатство, или монастырь специально построили между их кварталом и остальным городом. Но, думаю, даже мать Агнес не знает этого.

Переплетенные лозы покрывают и внешнюю стену, и большинство домов и окон, выходящих на север, закрывают своими зелеными руками узкие аллеи, ведущие в район селенаэ. Нежные белые и фиолетовые лунные цветы распускаются только по ночам, когда люди Ночи стараются не выходить из своего квартала.

Белый цветок сжался в бутон, Скрывшись от солнца и чуждых глаз. Каждый селенаэ спешит домой, Когда ты решишь раскрыться для нас.

Я напеваю внезапно возникшую в голове песню, когда звоню в колокол аббатства. Дети учат ее едва ли не первой, но я не вспоминала о ней уже несколько лет. Дожидаясь, пока мне откроют, невольно выискиваю в просветах между листьями в форме сердца хотя бы намек на то, что человек со шрамом наблюдает за мной. И продолжаю напевать мелодию, словно это сможет защитить меня.

Шаркая ногами, в мою сторону направляется женщина, и она мало похожа на ту, что когда-то научила меня петь эту песню. В трех шагах от ворот она вытягивает скрюченную, как клешня, руку вперед, чтобы нащупать решетку, а закрытые пеленой глаза смотрят мимо меня.

– Кто там? – хрипло спрашивает она.

– Это я, матушка, – отвечаю я, не зная, какой ожидать реакции.

Наш последний разговор вышел довольно неприятным. Но теперь уголки губ на морщинистом лице поднимаются вверх, словно солнце на рассвете, а глаза озаряются светом, хотя взгляд у матери Агнес все такой же отрешенный.

– Катрин?

– Да, пришла проведать вас.

Радость на лице настоятельницы вызывает удивление, но вскоре редкие брови приподнимаются, а рот изгибается в скептической ухмылке. Так мать Агнес больше походит на себя.

– Ты чего-то хочешь, – заявляет она.

– Магистр Томас сказал, что вы нездоровы. – Выражение ее лица не меняется, отчего у меня вырывается вздох. – И я пришла, чтобы извиниться.

– Хм. Видимо, тебе очень сильно хочется узнать то, за чем ты пришла.

Настоятельница достает связку ключей из-под серой шерстяной мантии, быстро отыскивает нужный, но ей приходится повозиться, чтобы попасть в замочную скважину.

Как только ржавая калитка открывается со скрежетом, я вхожу в арку и несколько раз моргаю, чтобы привыкнуть к полутьме после яркого солнечного дня. Мать Агнес закрывает и вновь запирает калитку, пристегивает связку ключей к поясу. Мне хочется смягчить этот неловкий момент шуткой.

– Вы не ошиблись в моих мотивах, – говорю я. – Я почуяла запах имбирного печенья сестры Луизы еще у самого святилища.

Тонкие губы матери Агнес подергиваются, пока мы идем по мрачному коридору.

– Ну, раз уж ты проделала этот путь, то заслужила кружечку чая.

Настоятельница ведет пальцами по стене, как я несколько минут назад, но не поддавшись эмоциям, а для того, чтобы знать, где повернуть, и не пропустить дверь в свою гостиную.

Когда мы входим, из-за стола, заваленного бухгалтерскими книгами и пергаменами, вскакивает девушка.

– Катрин! – выдыхает она, и на ее лице появляется намек на озорную улыбку.

Я закатываю глаза:

– Все еще Кэт. Ты первая начала меня так называть, помнишь?

– Конечно помню.

Маргерит бросает обеспокоенный взгляд на настоятельницу, и в этот момент я понимаю: она в полном облачении сестры Света, ее волосы скрыты под белым платком, а талию обхватывает пояс из бисера.

– Когда ты дала обет? – спрашиваю я.

Мать Агнес направляется к потертому мягкому креслу, делая вид, что не слушает наш разговор, но я хорошо ее знаю.

– В середине зимы, – отвечает Маргерит. – Как и положено.

Церемония проводится в самый короткий день в году, символизируя, что сестра должна наполняться Светом в каждый последующий.

– И ты не позвала меня?

Маргерит заламывает свои изящные руки, когда в разговор вмешивается мать Агнес.

– Я сказала ей, что она должна передать приглашение лично. – Настоятельница опускается на свое место. – Но ты так и не появилась здесь, чтобы получить его.

Голубые глаза подруги наполняются слезами, но Маргерит всегда плакала только за других. И довольно часто – из-за моих наказаний. Что ж, судя по всему, ничего не изменилось. Я вздыхаю.

– Прости, Марга. Я просто...

– Поддалась гордыне, – заканчивает мать Агнес.

Я хмурюсь:

– Я собиралась сказать «злилась».

И это правда.

Настоятельница беззаботно откидывается на спинку кресла.

– Злость – форма гордыни.

Не знаю, права ли она, но, если честно, мне все равно. Мне лишь жаль, что из-за этого пострадала Маргерит.

– И ты постригла волосы? – спрашиваю я.

Эта мысль вызывает боль. Я всегда завидовала золотистым волнистым локонам подруги, которые легко укладывались в прически, в отличие от моих темных непослушных кудрей.

Маргерит смеется:

– На самом деле нет. Мне разрешили сохранить их до осени, чтобы еще немного подросли.

– До осени? – переспрашиваю я. – Почему... ох...

Крупная торговая ярмарка Коллиса. Со всех уголков Галлии съезжаются мастера, в том числе и изготовители париков.

– Ты сможешь выставить их на аукционе.

Мать Агнес кивает:

– На эти деньги мы купим новый ткацкий станок. Сможем больше ткать.

Аббатство обеспечивает себя самостоятельно и даже получает прибыль от продажи ткани, которую ткут сестры и послушницы. Но станок здешний – старше самой настоятельницы.

– Я рада внести свой вклад, – говорит Маргерит.

И я в этом не сомневаюсь.

– Сестра, – говорит настоятельница, – вы сможете пообщаться с Катрин в следующий раз. А сейчас не могла бы ты принеси нам чаю, пока мы будем обсуждать ее текущие дела?

Я фыркаю. Она ведет себя так, словно мы будем договариваться о цене на шерсть.

– И немного имбирного печенья, пожалуйста, – добавляю я, садясь на длинный жесткий диван справа от настоятельницы.

– Как продвигается расширение святылища? – спрашивает мать Агнес, как только дверь за Маргерит закрывается.

Пока подруга не вернется и не уйдет снова, настоятельница будет вести разве что светскую беседу.

– Через несколько недель начнут сводить потолок, – рассказываю я. – Каменщики всю зиму обтесывали камни для арок.

Когда Маргерит возвращается с подносом, я все еще описываю, как установят блоки под остроконечной крышей. Подруге требуется несколько минут, чтобы аккуратно поставить блюдце, чашку и печенье перед настоятельницей, а затем налить чай и сладкие сливки. Передо мной она ставит медовый напиток, который я люблю больше, и, подмигнув, оставляет тарелочку со стопкой печенья. Все это время я обдумываю, как начать разговор о том, что мне хотелось узнать.

Все три мужа матери Агнес жили в других странах, так что она, скорее всего, повидала больше мест на континенте, чем магистр Томас. Когда последний муж умер, состояние вдовы – и отсутствие у нее наследников – привлекло внимание самого короля.

Он уже был женат, но ничего не мешало ему отдать леди Агнес за одного из своих приближенных. Поэтому ее вызвали ко двору, но, остановившись по пути в аббатстве Солис, чтобы отдохнуть, она решила остаться здесь насовсем. Написала королю очень милое письмо, в котором рассказала, как Солнце обратилось к ней во сне и велело остаться и служить сестрой Света. Имущество, таким образом, перешло под управление религиозных властей Коллиса. Новоиспеченную сестру тут же назначили настоятельницей аббатства, и эта должность сохранится за ней до самой смерти. Даже королевский указ не мог отменить этого.

За последующие сорок лет благодаря матери Агнес молитвенная община из дюжины сестер превратилась в место, где девушки обучались большому количеству профессий, чем где-либо на континенте. Большая часть учениц попадала сюда из созданной матерью Агнес школы

для девочек-подкидышей, большинство из которых прямо со школьной скамьи отправлялись в монастырь.

Да, подобная вербовка – не лучший ход, но жизнь редко предлагает хорошие варианты девочкам-сироткам, таким как я и Маргерит.

– Я слышала, что произошло убийство, – говорит мать Агнес, как только двери закрываются вновь. – И что ты в этом замешана.

Не знаю, откуда она получает информацию, но всегда точную.

– Расскажи мне, – поднося чашку к губам, продолжает она. – Почему градоначальник назначил венатре расследовать смерть этой бедняжки?

– По двум причинам, – отвечаю я. – Преступление оказалось ужасным, и Удэн признался, что, хм, проводил тот вечер в ее компании.

Настоятельница глубокомысленно кивает:

– Вот почему ни граф, ни его сын не ведут расследование.

– Верно. Хотя Ламберт Монкюир помогает. – Я постукиваю пальцами по краю своей чашки. – Венатре, Симон, их дальний родственник, но он очень умный и знает толк в раскрытии преступлений. И я помогала ему, потому что нашла тело в ту ночь.

– Катрин, что ты делала на улице посреди ночи? – становясь серьезной, спрашивает мать Агнес.

– Осматривала святилище, – объясняю я. Ей никогда не нравилось мое увлечение лазаньем, даже когда я жила в аббатстве. – Мы отстаем от графика, к тому же я хорошо вижу в лунном свете.

– *Насколько* хорошо?

В ее тоне появляются такие нотки, от которых волосы у меня на затылке встают дыбом.

– Достаточно, чтобы делать свою работу как следует.

Несколько секунд в комнате царит тишина, если не считать тяжелого дыхания матери Агнес.

– Тебе не следует выходить на улицу ночью, – наконец говорит она. – Это небезопасно, и убийство – тому доказательство. Я поразмыслию, не написать ли магистру Томасу, что я думаю о его поручениях для тебя.

В первый год после того, как я покинула аббатство, ему каждую неделю приходили язвительные письма от настоятельницы. Сомневаюсь, что он обратит внимание на очередное.

– Расскажи мне об этом Симоне, – просит настоятельница, уткнувшись в чашку.

– Что о нем рассказывать? – не ожидая такой смены темы, спрашиваю я.

Ее глаза с бесцветными ресницами смотрят на меня не мигая.

– Ну же, Катрин, может, я и ослепла, но все еще прекрасно слышу. Он тебе приглянулся.

Я прокручиваю в голове наш разговор, пытаюсь вспомнить, что такого сказала. Только то, что Симон раскрывает преступления и очень умен. Два замечательных качества. Но когда в мыслях возникает его нерешительная улыбка и то, как он заботился обо мне, в груди неожиданно разливается тепло. Как, во имя Света, она почувствовала это?

– Он красивый? – наслаждаясь моей внезапно возникшей неловкостью, спрашивает она.

– Ну, довольно приятный, – бормочу я и, поняв, что она ждет от меня продолжения, вздыхаю: – Светлые волосы. Рост чуть выше среднего. – Описания выходят довольно скупые. – Не слишком худой, но и не полный. Светлокожий. На два года старше меня.

– А глаза?

– Светло-голубые, как у сестры Аликс, – отвечаю я, умолчав о небольшом карем изъяне.

– Значит, полная твоя противоположность. – В ее тоне слышатся веселые нотки.

– Я не коротышка, – возражаю я.

Даже без туфель на каблуке, которые надела сегодня к моему выходному платью, я выше большинства женщин и многих мужчин.

– А еще у него тоже выются волосы.

Настоятельница фыркает:

– Беру свои слова назад: вы похожи как близнецы. Ни больше ни меньше. – Она моргает, вновь переходя на серьезный тон: – Неужели его внешность отвлекла тебя от самого важного – его характера?

Щеки тут же начинают гореть.

– Он кажется порядочным.

– Неплохо для начала.

Я вздыхаю. Как описать Симона? Я провела рядом с ним несколько часов и не уверена, что узнала его лучше, чем в первую минуту знакомства.

– Он добрый, но держится настороже. И, кажется, ему не нравится зависеть от Монкюиров.

– Мы когда-нибудь встретимся с ним?

Я съеживаюсь от этой мысли.

– Думаю, ваши предположения о нас с Симоном слишком хороши. Я его почти не знаю. – Пора действовать. – Он из Мезануса. Вы когда-нибудь слышали это название?

– Конечно. – Настоятельница берет имбирное печенье и, откинувшись на спинку кресла, макает его в чай. – Это деревня со знаменитым Светочем на побережье Приции.

Реми оказался прав насчет Приции. Но, если святое место назвали Светоч, значит, там произошло какое-то чудо.

– Кто там умер?

– Принцесса, сбежавшая с острова на западе Бринсуллии несколько сотен лет назад. – Мать Агнес замолкает на мгновение, чтобы попробовать откусить печенье теми несколькими зубами, что у нее остались, а затем вновь макает его в чай. – Отец догнал ее в Мезанусе, но она отказалась возвращаться с ним, и он ее убил.

«Слушаться родителей» – один из Десяти столпов праведной жизни, поэтому рассказ несказанно удивляет меня.

– Храм, в котором почитают беглянку?

– Она сбежала не без повода. Ее отец принуждал девушку выйти замуж за него.

На секунду мне кажется, что я просто пропустила имя принца, которого ей навязывали в женихи. А осознав услышанное, откидываюсь на жесткую спинку дивана.

– Он хотел жениться на собственной дочери?

– Ее мать умерла, а король обезумел от горя. – Настоятельница вновь подносит печенье ко рту и в этот раз откусывает от него кусочек. – Видимо, принцесса Дайма очень походила на нее.

– И все же... – начинаю я.

Даже мысль о подобном отвратительна. Но в Светочах людям даруются великие чудеса, выстраданные мучениками при жизни.

– Неужели к ней за помощью обращается так много людей, спасающихся от кровосмесительных браков?

Магушка Агнес проглатывает печенье и бросает на меня укоризненный взгляд.

– Ее могила стала местом паломничества для страдающих душевными болезнями, начиная от младенцев с родовыми травмами и заканчивая теми, кто видит и слышит то, чего нет, а также убийцами, питающимися плотью своих жертв.

Еще один кусочек печенья отправляется в рот настоятельницы.

А у меня от услышанного сводит живот.

– Неужели есть те, кто настолько безумен?

– Редко, но да.

– Почему таких не казнят?

Мать Агнес протягивает мне чашку, и я доливаю туда чаю.

– Наша вера осуждает наказание тех, кто не осознает серьезность своего преступления.
Я фыркаю:

– Вы хотите сказать, что наказание бессмысленно, если они не поймут, *за что* страдают?

Она продолжает держать чашку, и я добавляю столько же сливок, сколько наливала Маргерит несколько минут назад.

– Зачастую семьи отчаянно верят, что близкий человек совершает ужасные вещи не по своей воле. Мол, в него что-то вселилось, – игнорируя мой выпад, продолжает мать Агнес, откидывается на спинку кресла и поправляет рясу, прежде чем сделать глоток. – Обычным людям проще поверить в это, ведь даже самые мудрые ученые почти ничего не знают о том, что у нас здесь, – она постукивает себя по виску. – Три религиозных ордена и больницы размещают в своих стенах паломников, но жители деревни принимают многих в своих домах. Не буйных, конечно. Только тех, кто не приспособлен к самостоятельной жизни. Многие врачи приезжают в Мезанус, чтобы понаблюдать и поговорить с самыми тяжелыми больными, попытаться понять их и помочь вернуть душевный покой.

Симон не врач, но, судя по всему, проводил рядом с ними много времени.

– Так эти чудесные исцеления – результат их усилий или благословения Даймы? – спрашиваю я.

Мать Агнес пожимает плечами:

– Твои предположения так же хороши, как и мои. Но ее имя не вписали бы в Молебен о Святых без веской на то причины.

Меня, впрочем, больше интересует жизнь Симона до приезда в Коллис. Интересно, он родился и вырос в Мезанусе... или приехал туда лечиться?

Глава 13

С колоколен монастыря доносится призыв к послеполуденной молитве. Я встаю и хватаю нетронутое имбирное печенье, чтобы забрать с собой.

– Я лучше пойду. Обещаю, что не стану затягивать со следующим визитом так, как с этим. Магистр Томас прав. Вскоре я вообще не смогу навещать мать Агнес.

Она провожает меня до ворот. А о моих родителях мы так и не заговорили, хотя из-за них в тот раз и поссорились... Настоятельница молча выпускает меня на улицу, и я прикрываю глаза рукой, пока она закрывает замок и вешает ключи на пояс. Но только я задаюсь вопросом, собирается ли мать Агнес со мной прощаться, как она вдруг наклоняется вперед, просовывая нос между прутьями решетки.

– Катрин...

– Да?

Она тяжело вздыхает, словно собирается с силами, чтобы продолжить разговор.

– Твои родители мертвы. Это правда. Но они любили друг друга и с нетерпением ждали твоего рождения.

Сердце с силой бьется о ребра, пока я жду ее следующих слов, но она больше ничего не говорит.

– И это все? – наконец вырывается у меня. – Это все, что вы мне скажете?

Она отстраняется и отступает назад, словно битва окончена.

– Это все, что имеет значение.

И ни слова о том, почему меня бросили, как только перерезали пуповину. Ни слова о том, почему она прошипела магистру Томасу, когда он забрал меня из аббатства: «Они поймут, если с ней будут плохо обращаться». Словно верила, что когда-нибудь меня захотят вернуть.

Печенье рассыпается крошками в кулаке.

– Возможно, это все, что имеет значение для вас, – выдавливаю я сквозь стиснутые зубы.

Мать Агнес качает головой:

– Твоя семья искренне верила, что ты принадлежишь Свету.

– Жаль, что это не так, – огрызаюсь я. – Мне не нравится жить за высокими стенами и запертыми воротами. Не нравится жить в клетке.

– Мы все живем в клетках, Катрин. И лишь те, кому повезет, смогут выбрать, в каких именно.

Настоятельница отворачивается и направляется к часовне, подпевая молитвенной песне, которую уже затянули сестры.

* * *

Злость и солнечный свет сливаются воедино, чтобы посеять зерно головной боли, которое быстро разрастается и обвивает виски тугими лозами. Когда я добираюсь до дома, боль полностью сковывает голову, поэтому мне хватает сил лишь подняться в комнату и лечь на кровать. Окно выходит на юго-восток, поэтому шум, доносящийся от святилища, начинает постепенно стихать по мере того, как у рабочих заканчиваются смены. Сначала замолкают кувалды кузнецов, которыми они куют цепи, гвозди и железные рамы. Затем они счищают сажу со сделанных за день изделий и спорят с мастерами, чьи заказы выполнять завтра первыми. Через некоторое время работу заканчивают каменщики и резчики. Они откладывают свои стамески и берутся за наждачную бумагу, с помощью которой придают большее изящество острым краям блоков и статуй. И, наконец, спускаются те, кто поднимает и укладывает каменные блоки на стены.

А вскоре и телеги разъезжаются в разные стороны – торговцы и точильщики инструментов толкают свои вручную, а остальные повозки растаскивают с холма волю.

Город вздыхает и успокаивается. Дым от очагов окутывает здания древесным ароматом с нотками табака из тысячи трубок, которые раскуривают после вечерней трапезы. Госпожа Лафонтен стучит в дверь и заглядывает в комнату, чтобы позвать на ужин, но я притворяюсь спящей, и она уходит. Колокола святылища и многочисленных часовен по всему Коллису призывают верующих к вечерней молитве. Мать Агнес сейчас соберет сестер, прислушиваясь к голосам, чтобы понять, кого нет. Позже тех, кто пропустил литургию, заставят полировать чаши и подсвечники. Я частенько это делала в детстве.

У многих девочек в аббатстве Солис матери – проститутки. Часто – покинувшие аббатство за несколько лет до того, как заняться древнейшим ремеслом. Другие воспитанницы появились из-за неверности молодых жен, позволивших себя соблазнить, или из-за богатых мужчин, на уловки которых поддались служанки. Если верить словам настоятельницы, что мои родители любили друг друга, меня нельзя отнести к первым. Но ко вторым – или вообще к третьим, как Маргерит?

Твоя семья искренне верила, что ты принадлежишь Свету.

Как только эта фраза всплывает в воспоминаниях, челюсти невольно сжимаются. Они не имели права делать выбор за меня.

Стоп. Мать Агнес сказала – они искренне верили, что я принадлежу Свету, но, видимо, не храму Света. А есть ли разница? Настоятельница никогда не рассказывала, *когда* умерли родители. Это они оставили меня в аббатстве – или кто-то другой? И что означает «все живут в клетках»? Может, она хотела сказать, что мать и отец считали монастырь лучшей клеткой, чем та, в которой они жили?

Я переворачиваюсь на другой бок и вижу, что небо стало насыщенного сине-фиолетового цвета. Яркие солнечные лучи больше не режут глаза, головная боль начинает стихать. С лестницы доносятся шаги Реми, но он поднимается к себе, на третий этаж. Госпожа Лафонтен следует за сыном, но не слышно никаких намеков на то, что и магистр отправился отдыхать. Возможно, он собирает по кусочкам еще один витраж.

К тому моменту, как луна поднимается достаточно высоко, чтобы проникнуть в мою комнату, отбрасывая серебристый луч на пол, головная боль остается лишь воспоминанием, а мои мысли устремляются в другом направлении.

Что лунный свет сделал со мной в переулке? Чем больше проходило времени с нашей с Симоном «прогулки», тем более нелепыми казались мои домыслы. И вскоре я выбросила из головы мысли о лунном свете и магии. Но сейчас внутренний голос зашептал: «А вдруг это действительно так?»

Больше тысячи лет назад жители империи Адриана считали луну проклятой, ведь раз она постоянно меняется, значит, ей есть что скрывать. И даже в полнолуние она восходит в сумерках, а заходит перед рассветом, потому что не может смотреть в лицо Благословенному Солнцу. Вот почему селенаэ, которые живут по часам Луны, часто считают еретиками. Современные галлийцы знают, что Луна не опасна, и даже Верховный альтум рассказывает об этом в проповедях, но многие верны старым предрассудкам.

Эти суеверные люди боятся магии, считая ее богохульным и противоестественным порождением тьмы. До недавнего времени я считала подобные идеи чепухой.

Прямоугольник лунного света медленно скользит по комнате, сжимаясь до тонкой полоски, а потом растягиваясь. Еще час, и он исчезнет. Я заставляю себя двигаться, сажусь в кровати и опускаю ноги в чулках на пол. Доски скрипят под моим весом, но не громче, чем обычно. Колебясь, я покусываю ноготь. Тот, который чуть не содрала, когда лазила проверять леса. Он практически зажил, если не считать округлого синяка вокруг того места, где он кро-
воточил.

Опустив руку, я на цыпочках пробираюсь в темноте к окну, но замираю у кромки лунного света. Отчасти – из-за того, что примерно так я стояла в переулке той ночью, а отчасти из-за странного желания, которое нарастает внутри с каждым шагом. Хотя... «желание» – не совсем подходящее слово.

Это – потребность. И настолько сильная, что расплзается из глубины души до кончиков пальцев, которые начинает покалывать в предвкушении. Мне неизвестно, чего ожидать, но я чего-то *хочу*, и это меня немного беспокоит.

Если магия *реальна*, возможно, я рискую собственной душой. Ведь нечто доброе исходило бы от Солнца, верно?

Сделав глубокий вдох, я складываю левую руку чашечкой, словно собираюсь набрать немного воды, и вытягиваю ее.

А в следующее мгновение мир наполняется цветом, светом и звуками. То, что я едва ощущала раньше, сейчас заполняет все мои чувства.

Я слышу, как Реми ворочается в кровати этажом выше, вижу пылинки, летящие с потолка. Струйка едкого дыма проникает в щели половиц у меня под ногами, и вдруг меня озаряет понимание: она вырвалась из трубки магистра, а не из очага. А стопами я чувствую не только плетение толстых шерстяных ниток на носках, которые мне связала госпожа Лафонтен, но даже маленький узелок под большим пальцем ноги и шершавую поверхность дерева.

Все эти ощущения захлестывают меня. Даже воздух в груди настолько насыщен ароматами, что мне хочется его выдохнуть. Я тону.

Отскочив из луча лунного света, словно от огня, я с облегчением – и мучительной болью – понимаю, что чувства вновь становятся привычными. Почти. Я слышу и вижу намного лучше, чем раньше, но не так хорошо, как пару секунд назад, когда рука была в луче. И, как бы это ни ошеломляло меня, было в этом что-то... *изумительное*. Мощное.

Мне захотелось почувствовать это снова.

Но лучше по-другому. Я закрываю уши руками и замуриваю глаза, чтобы отсечь слух и зрение. А затем – выдыхаю до тех пор, пока в легких ничего не остается, и выхожу на свет.

Три. Два. Один.

Я медленно и осторожно вдыхаю, наслаждаясь отдельными ароматами, которые попадают в мой нос. Грубые, плотные волокна шерсти с юбки. Сухая пыль с потолка, которая танцует в воздухе со свежей весенней цветочной пылью. Неприятная горечь от бочки с пищевыми отходами, которую госпожа Лафонтен выставляет на улицу, чтобы бездомные мальчишки могли в ней покопаться. Но последний запах приглушен, а значит, крышку еще не поднимали.

Как только мне удастся определить источник всех ароматов, я переключаюсь на осязание. Ночной воздух, словно шелк, ласкает мою кожу. Половицы под ногами прогибаются всего на волосок. И стоит сосредоточиться, как становится слышен топот восьми лапок паука, пока тот не переползает на следующую доску. Даже боль от синяков на талии ощущается сильнее из-за пояса юбки, которая хоть и надета чуть ниже талии, но все равно стягивает кожу.

Пора перейти к слуху. И я убираю руки от ушей.

Ветер громко стучит по оконной раме. Реми храпит... Нет, это храпит госпожа Лафонтен в комнате напротив спальни сына. Я перевожу внимание на улицу – и различаю звуки, которые никогда не слышала: трепетание крыльев мотылька, взмахи кожистых крыльев летучей мыши, которая с пронзительным криком несется к своей добыче.

Из соседнего квартала доносятся шаги стражника, патрулирующего улицу с проржавевшим и скрипящим фонарем в руках. На чердаке соседнего дома скребутся крысы и капает с водостока вода. А из переулка внизу доносится сердцебиение человека.

Глава 14

Кто-то стоит у дома магистра Томаса рядом с кухонной дверью.

От удивления я распахиваю глаза и отступаю назад, невольно выходя из света. Стук чужого сердца тут же становится тише, а мое собственное стучит так громко, что с трудом заглушает его.

Золотистый свет освещает переулок, когда двери открываются. Кем бы ни был этот человек, его, судя по всему, ждали. Потому что магистр Томас – единственный в доме, кто еще не спит, кроме меня, – впускает его. Мне становится интересно, удастся ли их подслушать, поэтому я опускаюсь на колени и прижимаю ухо к полу.

Слова звучат приглушенно, но сами голоса – дружелюбно. А ведь несколько секунд назад я бы с легкостью их услышала. Лунный свет остался лишь на подоконнике, поэтому я протягиваю туда руку. И мои надежды оправдываются: как только свет попадает на пальцы, магия возвращается. Крепко вцепившись в оконную раму, я прижимаю ухо к трещине между половиц и закрываю глаза, чтобы сосредоточиться.

– ...Удвоили. Сейчас слишком рискованно выходить на улицу, – говорит магистр Томас. – Ты уверен, что тебя видели той ночью?

– Да, наркоман под *сконией*, – отвечает мужчина.

Судя по последующему скрипу и ворчанию незнакомца, он устроился у огня.

– А что касается стражи, эти почитатели Солнца не видят дальше своих фонарей.

Почитатели Солнца. Только дети Ночи говорят с таким пренебрежением. И фраза «той ночью» может означать только ночь убийства Перреты. Но даже без этих подсказок я узнала позднего гостя по его голосу. И могу представить, как отблески пламени освещают его покрытое шрамами лицо и отражаются в подведенных глазах. Но больше всего меня поражает то, что магистр Томас знаком с селенаэ. Почему он мне этого не сказал?

– Ты понимаешь, зачем я пришел, не так ли? – спрашивает мужчина.

Архитектор со скрипом открывает металлическую крышку с бутылки, наполняет два стакана.

– Ты уверял меня, что этого никогда не случится, – говорит архитектор.

– Не испытываю ни капли радости из-за этой ошибки, – отвечает селенаэ. – И сожалею. Ты даже не представляешь, как сильно.

Магистр Томас одним глотком осушает стакан и несколько раз кашляет, а затем вытирает рот.

– Это я разрешил ей выйти из дома ночью. Так что в этом есть и моя вина.

Видимо, они говорят о Перрете. И мое сердце кровоточит от осознания, что архитектор считает себя ответственным за ее смерть, пусть и частично.

– Это лишь доказывает, что от судьбы уйти невозможно, – тихо говорит селенаэ. – Как и помешать восходу Луны.

– Что ж. – Магистр Томас ставит бутылку на стол и тяжело опускается на другой стул. – Я обещал заботиться о ней, но мне не удалось. И когда это повторится – вопрос одного лишь времени.

– Да, – соглашается мужчина. – Это напоминает пристрастие к чистой сконии. Стоит однажды попробовать, и...

Как и Симон, они считают, что убийца нанесет новый удар. Что его жажда мести и злость никогда не утихнут.

– Но тебе удалось совладать с этим, – напоминает магистр Томас.

– У нас нет выбора. Поэтому мы и не покидаем квартал по ночам: защищаем не только других, но и самих себя. – Незнакомец делает глоток. – Но ты всегда можешь последовать нашему примеру.

– Примеру чего? Выть на луну?

Мужчина печально усмехается, но мне не удается расслышать его слова. Удивившись, я открываю глаза и понимаю, что лунный свет больше не касается моих пальцев. Хуже того, луна больше не светит в окно. Я высовываю руку на улицу, чтобы вновь прикоснуться к свету, и прижимаю ухо к полу, но, конечно же, упускаю часть разговора.

– ...Ты должен доверять мне в этом вопросе, – говорит мужчина. – Ты никогда не сможешь понять это так же хорошо, как я.

Магистр Томас вздыхает:

– Когда?

– После новолуния, но до полнолуния.

Симон тоже предположил, что произойдет новое убийство, но этот человек, похоже, уверен, что скоро. В ближайший месяц.

– Как мне защитить Катрин? – спрашивает магистр. – Она уже помогла венатре в расследовании и собирается продолжать.

Незнакомец делает долгий и медленный глоток из своего стакана.

– И адрианами, и селенаэ управляют инстинкты, которые мы едва понимаем. Ты не думал, что именно ей было предназначено найти ту девушку?

Стул магистра Томаса со скрипом отъезжает в сторону, когда он вскакивает на ноги.

– Послушай себя, Грегор! Неудивительно, что люди считают, будто луна сводит людей с ума. Она...

Слух пропадает вновь. Стиснув зубы, я высовываю руку из окна, пока он не вернется.

– ...Луна не вызывает безумия, – говорит селенаэ. – Но заставляет безумцев верить, что выходить безопасно.

Архитектор раздраженно фыркает: так он обычно делает, проводя рукой по одной из седых прядей в волосах. Но, когда он говорит, его голос снова звучит так тихо, что ничего не разобрать. Я сажусь и выглядываю в окно, чтобы посмотреть, где ближайшие лучи лунного света. Ни до одного не дотянуться. Подавив стон разочарования, я поворачиваюсь и прислоняюсь спиной к стене под окном. Через несколько минут селенаэ («Грегор», повторяю я про себя) выходит через кухонную дверь и скрывается в переулке.

Но я услышала достаточно, чтобы понимать: ни он, ни магистр Томас не сомневаются, что надо ждать нового убийства. И скорее раньше, чем позже. А еще – они говорили обо мне.

Ты не думал, что именно ей было предназначено найти ту девушку?

Примерно то же самое я сказала Симону вчера. Грегор назвал это инстинктом, но мне кажется, это нечто большее. Я слышала, как кричала Перрета, хотя она не могла издать и звука. Ее кровь звала меня через залитый лунным светом воздух. И если это не магия, я и не знаю, что думать.

Вот только магистр Томас не верит в магию, а если я скажу им, что кровь разговаривает со мной через лунный свет, они решат, что мне самое место в Мезанусе.

Я все еще в одежде, поэтому принимаюсь снимать ее так тихо, как только могу. Магистр Томас до сих пор на кухне. Наверное, сейчас он курит трубку и смотрит на огонь, как всякий раз, когда чем-то озабочен.

Перед тем как надеть ночную рубашку, я изучаю синяки на животе, которые сменили цвет с иссиня-черных на темно-фиолетовый. Отчетливо виден след от страховочной веревки, а также семь отдельных овалов. Неудивительно, что даже пояс юбки причинял такую боль.

Но стоит мне забраться в постель, как все мысли занимает фраза: «Хоть лунный свет и не вызывает безумия, но заставляет безумцев поверить, что выходить безопасно».

Глава 15

Я прихожу в дом Монкюиров со старыми картами городских улиц поздним утром, чтобы все наверняка успели проснуться. Экономка вновь выпускает меня, но в этот раз не провожает наверх – просто указывает на лестницу рукой. Из комнаты Симона на третьем этаже доносятся голоса, но дверь открыта, поэтому я стучу для приличия и переступаю порог.

Симон выпрямляется на стуле, чтобы выглянуть из-за плеча Жулианы. На его лице расплывается улыбка, по которой становится понятно: он рад не тому, что я принесла обещанные карты, а тому, что я пришла.

И утверждение матери Агнес никак не связано с тем, что я надела свежевывстиранную юбку и аккуратно заплела волосы. Совершенно никак не связано.

Переживая, что на моем лице отразится то, как сильно мне хочется быть здесь, я подхожу к столу.

– Я принесла карты. Надеюсь, они помогут. На одной из них указана территория вокруг святилища, а на второй – город целиком. Они немного устарели, но я внесла все изменения. И... эм... надеюсь, они помогут.

Видимо, мне стоит переживать и за свои слова. Так что я закрываю рот, пока не опозорила еще сильнее.

Жулиана отрывается от своих заметок и медленно моргает. Из-за глубоко посаженных глаз она слегка напоминает сову.

– Спасибо. – Симон забирает свернутые пергаменты. – Это как раз то, что мне требовалось. Так что... э-э-э... спасибо.

Жулиана переводит взгляд на него, а ее тонкие губы изгибаются в усмешке.

Симон разворачивает одну из карт на столе и подзывает Удэна.

– Иди сюда, кузен. Покажи мне, где ты видел селенаэ прошлой ночью.

Грегора.

Прислонившийся к стене Удэн раздраженно ворчит, но все же повинуется. Он наклоняется с другой стороны стола и тычет пальцем в карту:

– Вот здесь.

Симон рисует восковым карандашом маленькую букву «С».

– А где был ты?

Удэн сдвигает палец на пару сантиметров:

– Примерно тут.

Он вновь выпрямляется, пока Симон отмечает указанное место буквой «У».

Горя от нетерпения и жажды помочь, я вступаю в разговор:

– А я...

Симон резко взмахивает ладонью, едва не задев мою руку:

– Подожди.

Обидевшись, я отступаю назад, а он продолжает допрашивать Удэна:

– Где вы с другом расстались?

Он был не один?

Удэн указывает другое место.

– Он шел со мной от таверны до площади, а затем свернул сюда.

К моему удивлению, Симон помечает место буквой «Р», а затем рисует стрелку поверх боковой улочки, которая соединяется с Дорогой удовольствий недалеко от переулка, где нашли Перрету. На мой взгляд, этот друг должен стать первым подозреваемым, но Симон так не считает. Он добавляет пунктирную линию между «У» и «Р», чтобы обозначить путь, пройденный Удэном.

– Здесь тебя отыскал Ламберт? – спрашивает он.

Брат Удэна рассказывает у окна, выходящего на улицу, но, услышав свое имя, тут же замирает.

– Примерно там, – отвечает Удэн. – Я перепугался, встретив селенаэ, и стал ждать, пока он уйдет. А потом началась гроза, и я переждал ее.

– Хочешь еще что-нибудь рассказать мне о той ночи?

– Нет.

Несколько секунд Симон сверлит взглядом Удэна, словно пытается прочесть его мысли по выражению лица. А затем кивает.

– Хорошо, ты свободен.

Удэн с издевкой кланяется кузену:

– Да, венадре. – А затем обращается к Ламберту, стоящему на другом конце комнаты: – Готов встретиться лицом к лицу со львами?

И только сейчас я понимаю: на обоих братьях одежда для богослужений в святилище.

Ламберт плотнее натягивает перчатки, а его лицо бледнеет.

– Сегодня у Ламберта обручение. А на осень назначена свадьба, – поясняет Жулиана, заметив мое замешательство.

Удэн с ухмылкой подходит к старшему брату.

– Наконец-то увидишь невесту. – Он перекидывает руку брату через плечо, отчего более высокому Ламберту приходится немного склониться. – Расслабься. Тебе не придется доказывать, что ты мужчина, прямо сегодня.

Ламберт сердито отталкивает брата:

– Ночь тебя подери, Удэн! Здесь женщины!

Удэн с беззаботным видом поправляет бархатный камзол и подмигивает мне:

– Потому я тебя и дразню.

Комнату наполняет скрип полированной кожи: Ламберт сжимает кулаки. Симон встает между братьями и вытягивает руки, чтобы не дать им сцепиться.

– Кузены, вы опоздаете. – А затем, чуть слышно, Ламберту: – Ты же знаешь, что он специально тебя цепляет.

Удэн ухмыляется и направляется к двери. Хотя именно он отпускал неприличные намеки, меня больше задело то, как Симон отмахнулся от меня. Но я все же нахожу в себе силы улыбнуться Ламберту:

– Леди Женестье несканно повезло.

Гнев на лице графского сына сменяется смущением. Симон с благодарностью кивает мне и хлопает двоюродного брата по плечу:

– Так и есть. Удэн просто завидует.

Даже мне с трудом в это верится, но, кажется, эти слова успокаивают Ламберта. Он расправляет плечи и, не говоря больше ни слова, следует за братом. А проходя мимо меня – застенчиво улыбается.

Симон же возвращается к изучению карты, на которой обозначена территория вокруг святилища. Но, притом что произошло в прошлый раз, я не спешу указывать свое местонахождение. Правда, как только на лестнице стихают шаги братьев, Симон поднимает взгляд:

– Прости, что одернул тебя, Кэт. Мне не хотелось, чтобы Удэн знал, где ты была той ночью.

Он протягивает мне руку. Кончик большого пальца, а также указательный и средний испачканы чернилами. – Прошу, покажи мне где.

Конечно. Мне следовало и самой догадаться, что Удэн может изменить показания. Смутьившись, я делаю шаг вперед и указываю пальцем на восточный угол святилища.

– А куда смотрела?

Я показываю – и он рисует стрелку на юг, но не подписывает букву «К». Обозначает мой путь до тела Перреты и сам переулочек. А затем подписывает дом Перреты, заведение мадам Эмелин и таверну, где Удэн расслаблялся с пивом и сконией. Жулиана отмечает те же места на карте города.

Когда Симон переходит к вопросам о селенаэ, которого, как мне теперь известно, зовут Грегор, мои ответы становятся более расплывчатыми. Я доверяю архитектору и уверена: этот мужчина следил за мной только из-за их дружбы. Желая сменить тему, я спрашиваю о том, что беспокоит меня больше:

– А что за друг шел с Удэном?

– Ремонт Лафонтен. – Симон откладывает карандаш и выпрямляется. – И говорит он то же самое.

Нет, это ошибка.

– *Реми*? Но ведь он еще не добрался до Коллиса, – возражаю я. – Он вернулся из Лютетии поздним утром следующего дня.

Симон склоняет голову:

– Он рассказал мне, что приехал в Коллис поздним вечером и отправился в таверну, где встретил Удэна.

– Но почему он пошел не домой?

Симон пожимает плечами:

– Об этом тебе лучше спросить у Ремона, но его видели несколько человек.

– *Кто*? – требовательно спрашиваю я. – И где?

Симон, смешавшись, переступает с ноги на ногу.

– Он выходил из дома мадам Эмелин, когда я пришел осмотреть тело Перреты. По словам, хм, свидетелей, появился там примерно в то же время, когда произошло убийство, но был в таком состоянии, в котором бы не смог совершить его.

Я складываю руки на груди. Так вот почему Симон написал букву «Р». Она означала «Ремонт». Интересно, он тоже употреблял сконию? Архитектор не жалуется на любые вещества, влияющие на разум, и может за такие дела выгнать Реми с должности подмастерья.

Но, напоминая себе я, может, Реми ничего и не употреблял. Насколько я знаю, он никогда раньше не делал этого, хотя, судя по всему, не обо всем мне рассказывал. Я не ревную, но мне неприятна мысль, что Реми ничем не лучше Удэна.

Прочистив горло, я отвожу взгляд от Симона:

– Что ты планируешь делать дальше?

Он расслабляется, словно рад закрыть эту тему.

– Соберем как можно больше подробностей, а затем воспользуемся ими, чтобы составить точный портрет убийцы.

Мгновение я обдумываю его слова.

– Говоря о деталях, ты подразумеваешь то, в каком состоянии нашли Перрету и что с ней сделали?

– Верно, Кэт, – отвечает он. Карее пятно на левом глазу добавляет его взгляду тревожности. – Наши дела говорят миру, кто мы. Какими бы отталкивающими ни казались нам эти послания, они – ключ к пониманию убийцы и его поиску.

Жулиана внимательно слушает наш разговор, переводя широко раскрытые глаза от меня к Симону и обратно. Не желая оставлять ее в стороне, я поворачиваюсь к ней:

– А вы, леди Жулиана? Можете спокойно обсуждать произошедшее? – спрашиваю я.

– Конечно, – удивленно моргнув, отвечает она. – Я убила много людей. Как и Симон.

У меня отвисает челюсть:

– Вы... Что?

Не сводя с меня глаз, Симон опускает руку на плечо своей двоюродной сестры:

– Не пугай нашу гостью. Мы этого не делали.

Она виновато смотрит на него снизу вверх:

– Прости. Ничего не могла с собой поделать. Я так удивилась.

– Все в порядке, – говорит он, уставясь на меня. – Просто сомневаюсь, что Кэт понимает нашу маленькую игру. – На лице Симона появляется натянутая улыбка, которая разительно отличается от позавчерашней, когда казалось, что он просто разучился это делать. – Нам нравится говорить глупости, а затем поправлять друг друга.

На его лице отражается безмолвная мольба: «Подыграй». Но улыбка на моем лице выходит не менее натянутой, чем у него.

– Конечно. Реми любит рассказывать скандальные истории, чтобы посмотреть, поверю ли я.

Например, поверю ли я, что он приехал в Коллис не в ночь убийства, а на следующее утро.

Жулиана вздыхает с облегчением. Симон благодарно кивает мне и просит помочь прикрепить обе карты к отштукатуренной стене. Пока мы заняты этим, Жулиана продолжает раскладывать бумаги на столе по стопкам.

И я не могу не смотреть на то, как старательно она сортирует листы, на которых совершенно ничего нет.

Глава 16

В следующий час я пялюсь на рисунки, которые Симон прикрепляет к стене рядом с картой города. От вида Перреты и переулка мне становится нехорошо, но я напоминаю себе, что видела все воочию.

Наброски, сделанные им во время визита к мадам Эмелин, – это намного хуже. Конечно, Симон прикрыл грудь и нижнюю часть тела мертвой кусками ткани – или, по крайней мере, изобразил это так, – но, подозреваю, если бы там оказались раны, он бы этого не сделал. Меня немного настораживает, насколько талантливо он передает на бумаге подобные ужасы. Несмотря на синяки, я охватываю себя руками за талию, пока он указывает на травмы и увечья, которые описал при осмотре.

– В нижней части тела семь ножевых ранений.

Симон указывает на каждое испачканным в чернилах пальцем. Как и в случае с кровью на стене, меня вновь охватывает чувство, что я видела их, но по-другому. Наверное, это произошло той ночью, только никто не указывал мне на раны пальцем, тем более что их покрывала грязь.

– На внутренней стороне двух пальцев остались порезы, – продолжает Симон. Его голос звучит так бесстрастно, словно мы обсуждаем географию. – Она схватилась за живот, когда убийца начал наносить удары ножом. И несколько из них попали между пальцами. Раны совпадают, а значит, он использовал обоюдоострый клинок. Например, кинжал, а не, скажем, разделочный нож. Это же подтверждают порезы на глазницах.

Овсянка, которую госпожа Лафонтен томила все утро в печи, чтобы подать на завтрак, устремляется к моему горлу. Мне приходится приложить все усилия, чтобы вернуть ее в желудок.

Перо Жулианы скользит по бумаге, записывает слова Симона. Он замолкает на мгновение, чтобы она успела. Хотя, мне кажется, в этом нет необходимости.

– Кончики пальцев покрыты ссадинами, а ногти поломались, пока Перрета хваталась за стену, – продолжает он, и я сжимаю кулак, чтобы заглушить внезапно вспыхнувшую фантомную боль. – Как только она перестала сопротивляться, он перетащил ее сюда и уложил на спину. – Симон указывает на схему переулка, нарисованную сверху, как архитектурный план. – Как подсказала Кэт, он сделал это для того, чтобы рассмотреть убитую в лунном свете.

Трепет, окутавший меня от упоминания моего имени, длится недолго.

– А затем он разбил ей лицо. Чем-то тяжелым, то есть вряд ли он принес это с собой. Так что он нашел это где-то поблизости. Скорее всего, камень или кирпич...

Или молоток. Но Симон и не догадывается, что он был у Перреты.

– Но ничего подобного поблизости обнаружить не удалось, а значит, он это забрал.

На лбу выступает пот от отвращения и страха за то, чем это может обернуться для мага-стра Томаса.

Симон скрещивает руки на груди, продолжая смотреть на рисунки.

– Ему пришлось потрудиться, чтобы вырезать ей глаза.

– Хочешь сказать, в следующий раз это дастся ему легче? – спрашиваю я.

Он кивает.

– Его умения будут совершенствоваться с каждым разом.

Как будто это профессия: ученик – подмастерье – ремесленник – мастер. Неужели сейчас убийца *учится*?

Симон потирает подбородок, оставляя на коже фиолетовое пятно от чернил.

– Раны на ее животе нанесены как попало. Возможно, так вышло из-за того, что Перрета сопротивлялась. А может, у него мало опыта. Но можно с уверенностью сказать, что он правша. Это легко определить по углу ударов и ране на ее шее.

– Ты все время говоришь «он». А вдруг это сделала женщина? – интересуется Жулиана.

Симон качает головой, не сводя взгляда со стены перед ним.

– Нет, убийца – мужчина.

– Ты считаешь, что женщина не способна на насилие? – спрашиваю я.

Он поворачивается ко мне.

– Способна ли? Да. Но подобное насилие, подобная злость... – Симон вновь качает головой. – Это сделал мужчина. Не знаю, как объяснить, но я уверен, что это...

– Мечь, – заканчиваю я. – Какой-то одной женщине. Ты говорил.

– Да. – Судя по устремленному в никуда взгляду, он вновь мысленно вернулся в переулок. – Но не обязательно этой.

Симон задумчиво поджимает губы, и сине-фиолетовое пятно на его подбородке становится более заметным.

– Возможно, он считает, что женщины осуждают его, но, скорее всего, это был один раз. Самый первый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.